

Научная статья
<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2023-15-179-249>
<https://elibrary.ru/QDWBFG>
УДК 821.111(73).0+821.161.1P.0

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Ольга ЩЕРБИНИНА

ГОВАРД ФАСТ И СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ. СТАТЬЯ ВТОРАЯ. «ЖЕРТВА САМОГО НЕВЕРОЯТНОГО МОШЕННИЧЕСТВА»: (1955–1959)

Аннотация: В статье реконструируется история литературных контактов Г. Фаста с советскими писателями и его болезненного разрыва с коммунистическим движением в «оттепельную» эпоху. На основе автобиографических книг, личной корреспонденции, а также статей Фаста в партийной прессе (журнал *Masses and Mainstream*, газета *Daily Worker*) демонстрируется, что уже в начале 1956 г. писатель осудил сталинский режим, заклеив его как кровавый и преступный. Однако в переписке с советскими друзьями (Б. Изаковым и Б. Полевым) Фаст старался не вступать в прямую конфронтацию и лишь сокрушался о незавидной доле левого движения в Америке. О выходе писателя из компартии США его советские друзья узнали из открытых источников лишь в феврале 1957 г. Имея все основания полагать, что о таком серьезном шаге Фаст сообщил бы им лично в доверительной беседе, видные функционеры Иностранной комиссии Союза советских писателей были ошеломлены, прочитав эксклюзивное интервью писателя Гарри Шварцу — журналисту газеты *New York Times*. Когда мосты были сожжены, Фаст объявил полноценную информационную войну СССР: он обвинил советское правительство в антисемитизме, недемократичности и терроре; в Москве тем временем началась кампания по дискредитации писателя. После 1958 г. имя Фаста больше не упоминалось в критике, переписка с ним прекратилась, и все рабочие контакты были разорваны. В посткоммунистический период своего творчества Фаст обратился к автобиографическому жанру, написав две книги: «Голый бог» и «Как я был красным», в которых, в числе прочего, поведал публике о сложных отношениях с представителями советского литературного истеблишмента. В приложении к статье публикуется переписка Г. Фаста с Б. Полевым и Б. Изаковым из фондов РГАЛИ.

Ключевые слова: литература США, советско-американские литературные контакты, Г. Фаст, Б. Полевой, Б. Изаков, Дж. Гейтс, холодная война, КП США, архивные материалы.

Информация об авторе: Ольга Ивановна Щербинина, младший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия; преподаватель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, пр. Вернадского, д. 82, кор. 2, 119571 г. Москва Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2102-547X>. E-mail: olga-scherbinina24@mail.ru.

Для цитирования: Щербинина О.И. Говард Фаст и советские писатели. Статья вторая. «Жертва самого невероятного мошенничества»: 1955–1959 // Литература двух Америк. 2023. № 15. С. 179–249. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2023-15-179-249>

Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00393 «Россия / СССР и Запад: встречный взгляд. Литература в контексте культуры и политики в XX веке», <https://rsf.ru/project/23-18-00393/>.

Research Article

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2023-15-179-249><https://elibrary.ru/QDWBFG>

UDC 821.111(73).0+821.161.1P.0

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Olga SHCHERBININA

HOWARD FAST AND SOVIET WRITERS. ARTICLE 2. “A VICTIM OF THE MOST INCREDIBLE SWINDLE”: 1955–1959

Abstract: The article reconstructs Howard Fast’s literary contacts with Soviet writers during the Khrushchev Thaw and traces the history of his painful break with the Communist movement. Based on Fast’s autobiographical books, personal correspondence, as well as articles in the Party press (*Masses and Mainstream*, *Daily Worker*), the paper demonstrates that at the beginning of 1956 the writer condemned the Stalinist regime as “bloody” and “criminal”. However, in his correspondence with the Soviet friends (Boris Izakov and Boris Polevoy) Fast tried not to enter into direct confrontation and only lamented the plight of the leftist movement in America. His Soviet friends learned about the writer’s departure from the US Communist Party from the press only in February 1957. Having every reason to believe that Fast would have informed them about such a serious step personally in a confidential manner, prominent functionaries of the Foreign Commission of the Soviet Writers’ Union became upset and furious having read Fast’s exclusive interview to Harry Schwartz, a newsman working for the *New York Times*. At this point Fast declared a full-fledged information war on the USSR: he accused the Soviet government of being anti-Semitic, antidemocratic and terrorist. In turn, Moscow launched a campaign to discredit Fast. After 1958, the writer was no longer mentioned in Soviet reviews, correspondence with him ceased, and all working contacts were broken off. In his post-communist period, Fast turned to the autobiographical genre, writing two books: *The Naked God* and *Being Red*, where, among other things, he provided insights into his difficult relationships with the representatives of the Soviet literary establishment. Fast’s correspondence with Boris Izakov and Boris Polevoy from the funds of the Russian State Archive of Literature and Art is published in the addendum.

Keywords: American literature, Soviet-American literary contacts, Howard Fast, Boris Polevoy, Boris Izakov, John Gates, Cold War, CPUSA, archival documents.

Information about the author: Olga I. Shcherbinina, Junior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia; Lecturer, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), prospekt Vernadskogo 82/2, 119671 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2102-547X>. E-mail: olga-scherbinina24@mail.ru.

For citation: Shcherbinina, Olga. “Howard Fast and Soviet Writers. Article 2. “A Victim of the Most Incredible Swindle”: 1955–1959.” *Literature of the Americas*, no. 15 (2023): 179–249. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2023-15-179-249>

Acknowledgements: The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences and was financially supported by the Russian Scientific Fund, grant no. 23-18-00393 “Russia and the West viewing each other: Literature at the intersection of culture and politics, XX century”, <https://rscf.ru/project/23-18-00393/>.

Летом 1955 г. в Женеве состоялось совещание руководителей СССР, США, Великобритании и Франции, в ходе которого на обсуждение были вынесены острые вопросы разоружения и европейской безопасности. Освежающий ветер, именуемый «духом Женевы», сулил большие перемены, вселяя большие надежды в сердца писателей и публицистов по обе стороны океана, предвкушавших возобновление обмена культурными ценностями. Конкретные шаги в этом направлении были предприняты уже осенью 1955 г., когда по приглашению Госдепартамента советская делегация в составе семерых журналистов ведущих газет прибыла в Соединенные Штаты для ознакомления со всем «самым лучшим, чем гордится американский народ»¹. За тридцать три дня Б.Н. Полевой, Б.Р. Изаков, А.И. Аджубей, Н.М. Грибачев, А.В. Софронов, В.В. Полторацкий, В.М. Бережков пересекли США с Востока на Запад, придерживаясь заранее предложенного маршрута. В ходе этого турне состоялась долгожданная личная встреча Б. Полевого и Г. Фаста, уже год поддерживавших дружбу по переписке.

По свидетельствам Полевого, Фаст сам разыскал их делегацию, и его визит стал большим сюрпризом. Супругам Фаст (Говарда сопровождала его жена Бетти) удалось пригласить к себе на вечер только Полевого и Бережкова, так как остальные члены делегации отправились на Бродвей. За столом друзья обсудили новый роман Фаста «Спартак», с переводом которого Полевой «ознакомился как раз перед отъездом»². В СССР главы из «Спартака» были напечатаны еще в 1952 г.³, но книга не вышла отдельным изданием. Фаст хорошо помнил, с какой яростью «комиссары» американской компартии обрушились на роман в 1951 г., осуждая «садистические» и «брутальные» сцены, на фоне которых разворачивалось восстание римского гладиатора⁴. В своем травелоге Полевой не стал упоминать эту критику. Он высоко оценил роман, отметив новый взгляд на фигуру героя, избавляющий вождя от «фальшивых мифологических черт»⁵.

На следующий день после приватной встречи Полевого и Фаста «прогрессивные деятели культуры», в числе которых были А. Кан, Дж. Норс, Э. Смит, М. Голд, Л. Браун, П. Робсон, устроили вечеринку

¹ Памятная записка Б. Полевого о поездке в США. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. 3826.

² Полевой Б. Американские дневники. М.: Сов. писатель, 1956. С. 347.

³ Фаст Г. Спартак // Огонек. 1952. 25 июня.

⁴ Fast, Howard. *Naked God*. New York: Frederick A. Praeger, Inc. 1957: 148.

⁵ Полевой Б. Американские дневники. С. 353.

в честь советской делегации. На ней состоялся памятный разговор Фаста и Полевого о еврейском писателе Льве Квитко, убитом в ходе сталинской кампании по борьбе с космополитизмом в 1952 г. Полевой настаивал, что Квитко «жив и часто встречается ему, будучи соседом по дому»⁶. Обрадованный и успокоенный, Фаст поверил своему другу и отменил подозрения, посчитав их антисоветской клеветой. В травелогах и путевых заметках советские делегаты описывали эту вечеринку в розовом свете, избегая упоминания и о явном недовольстве «прогрессивных авторов» отсутствием выплат советских гонораров, и о неудовлетворительной работе агентства «Межкнига», занимавшегося продажей советских книг за рубежом, и об устаревших советских пропагандистских практиках⁷. В изображении журналистов вечеринка оказалась встречей единомышленников, не сомневавшихся в правильности своих идеологических позиций.

Со временем «дух Женевы» стал испаряться, и в отсутствие согласия стран хотя бы по одному вопросу все сложнее становилось сохранять оптимизм. В переписке с Полевым, возобновленной после отъезда советской делегации из Америки, Фаст продолжал восхищаться своими советскими «друзьями, живущими завтрашним днем» и винить «сумасшедших апологетов холодной войны, которые громче, чем когда-либо приветствуют новый виток ненависти и недоверия»⁸. За этими дежурными фразами, заблудившимися во времени отголосками сталинских времен, не было заметно глубокого отчаяния американского писателя, погрузившегося в депрессию и страдавшего от острых приступов кластерных головных болей.

Утешением для Фаста стала работа — в это время он заканчивает роман, написанный от лица женщины, чья счастливая семейная жизнь рушится под натиском маккартистской реакции. «История Лолы Грегг» была опубликована в частном издательстве Фаста, “Blue Heron Press”, в 1956 г. и осталась незамеченной широкой американской аудиторией. В СССР отрывки романа были напечатаны в журнале «Иностранная литература»⁹, за что автор получил гонорар в размере 1500 долларов.

⁶ Fast, Howard. *Naked God*: 194.

⁷ РГАНИ. Отчет о поездке журналистской делегации в США. Ф. 5. Оп. 16. Ед. 734.

⁸ Г. Фаст — Б. Полевому. 5 января 1956. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3845.

⁹ *Фаст Г.* История Лолы Грегг // Иностранная литература. 1956. № 11. С. 12–86.

В начале 1956 г. Фаст начал тесно сотрудничать с *Daily Worker*, сблизившись с Джоном Гейтсом — главным редактором газеты, инициировавшим демарш против партийной номенклатуры, возглавляемой сталинистом У. Фостером. После XX съезда КПСС, на котором был зачитан закрытый доклад «О культе личности и его последствиях», Дж. Гейтс потребовал признать, что преступный сталинский режим полностью дискредитирован и компартия США обязана дистанцироваться от Москвы, хотя бы и нарушив при этом монолитную целостность международного коммунистического движения. Напротив, фракция Фостера, под эгидой которой сплотились преданные прежним идейным принципам старцы (самому Фостеру на тот момент исполнилось 75 лет), отрицала необходимость радикальных перемен, обвиняя Гейтса в ревизионизме.

Фаст, как и другие авторы *Daily Worker* (Алан Макс, Джозеф Кларк, Боб Фридман и др.), был солидарен с Гейтсом. Занимая эту позицию, он руководствовался зревшей с каждым годом неудовлетворенностью бездарным партийным руководством, которое требовало от рядовых партийцев железной дисциплины и слепого следования генеральной линии. Оторванность номенклатуры от реальных нужд коммунистического движения в очередной раз стала очевидна 28 марта 1956 г., когда Федеральное правительство захватило *Daily Worker* и офисы этой газеты, а также учреждения коммунистической партии по всей Америке. Как вспоминал Г. Фаст, в то время как он вместе с Гейтсом и его соратниками бесстрашно защищали газету, «ни один лидер партии не объявился, чтобы внушить силу и уверенность»¹⁰ в победе. К примеру, Юджин Деннис, генеральный секретарь Национального комитета, был занят более важным делом — он изводил бумагу, сочиняя очередной циркуляр.

Федеральному правительству не удалось закрыть *Daily Worker*, и газета стала плацдармом для внутрипартийной борьбы между центристами (Ю. Деннис), левыми (У. Фостер, Б. Дэвис) и правыми (Дж. Гейтс, Дж. Кларк, А. Макс). Задним числом Фаст причислял себя к последним:

Мы обвиняли Советский Союз. *Мы* требовали объяснений. Впервые за всю историю компартии США *мы* хотели услышать от русских

¹⁰ Fast, Howard. *Naked God*: 46.

правду. *Мы* осудили гнусные расправы, учиненные в Чехословакии и Венгрии. *Мы* требовали объяснений и открытого разговора¹¹.

Редакционные статьи *Daily Worker* апреля–мая 1956 г. действительно отличались непримиримым, воинственным тоном. Газета осуждала «ужасающие деяния» сталинского режима, «подчеркивала свою неудовлетворенность советскими лидерами», которые не предложили ответов на мучительные вопросы: «как подобные преступления могли произойти, какими ложными теориями оправдывались злодеяния, как были наказаны виновники, что было сделано для того, чтобы исправить ошибки»¹². Однако в своей авторской колонке «Текущие события» Фаст был гораздо более аккуратен в выражениях. В статье от 16 апреля писатель повторял расхожую версию о «банде Берии» и восторгался моральной силой социалистического правительства, признавшего свои ошибки и намеревавшегося их исправить¹³ — впоследствии тезис о том, как ЦК не трусливо утаил, а мужественно «обнаружил раны», благодаря чему они быстро «зарубцевались на мощном и здоровом теле»¹⁴, станет программным среди защитников сталинизма.

Продолжая осмыслять феномен советского антисемитизма, Фаст вставал на позицию адвоката дьявола и отчасти соглашался с логикой пропагандистов, бичевавших космополитизм:

Писателей-космополитов обвиняли в том, что они пренебрежительно относились к развитию национального самосознания и были рады засматриваться на соседскую траву, которая, как водится, всегда зеленее. Они завидовали литературным трендам и стилям, популярным в крупных капиталистических городах. [...] Хотя на первый взгляд космополитизм мог казаться практическим воплощением интернационализма, нас уверяли, что интернационализм превращается в свою противоположность, если его исповедуют люди с буржуазными устремлениями и презрением к советской цивилизации. Справедливо-

¹¹ Fast, Howard. *Being Red: A Memoir*. Boston, MA: Houghton Mifflin. 1990: 346–347.

¹² “Grievous Deeds.” *Daily Worker* (April 13, 1956).

¹³ Fast, Howard. “Justice and Death.” *Daily Worker* (April 16, 1956).

¹⁴ Проект письма Б. Полевого — Г. Фасту [цит. по: Петров 1992: 174].

сти ради надо сказать, что в этом подходе было зерно истины — зерно, которое превращалось в гигантскую и опасную гору бессмыслицы¹⁵.

5 июня 1956 г. *New York Times* обнародовала секретный доклад Хрущева. Заполучив копию материала, Гейтс созвал совещание редакции, на котором было решено поместить его репринт в *Daily Worker*. Пойти на этот болезненный шаг, означавший безоговорочный разрыв с фостеровским руководством, было непросто. Каждый из присутствовавших на собрании посвятил свои лучшие годы коммунистическому движению: как мелодраматически заявлял Фаст, на протяжении многих лет они мирились с нищетой, тюрьмой, войной и не раз смотрели в лицо смерти. Теперь же они узрели «жесткую, неумолимую правду», осознав, что если бы американская компартия имела «право казнить» инакомыслящих, как то было в Советском Союзе, все они давно были бы убиты¹⁶.

Daily Worker оказалась единственной коммунистической газетой, напечатавшей секретный доклад Хрущева¹⁷. Уже 12 июня 1956 г. Фаст выступил с покаянной статьей, оправдывая свои заблуждения:

Не пытаюсь себя утешить, но я не знал о фактах, содержащихся в докладе Хрущева [...] Я знал, что еврейская культура в России уничтожена, и я знаю, что ни одна культура не заслуживает такой участи — и все же я не протестовал против этого. Я знал, что евреям запрещено выезжать из России в Израиль, и тем не менее я не выступил против этого ограничения, хотя и считал его беспочвенным и бессмысленным. Я знал, что писатели, художники и ученые запуганы, но я считал, что эти жертвы оправданны социалистическим строительством. Все, что я перечислил, я оправдывал необходимостью¹⁸.

Несмотря на открывшиеся обстоятельства, вера писателя в социализм не пошатнулась:

Стал ли я врагом Советского Союза? Мой ответ — нет. [...] Я знаю, что социализм — это неизбежность, с которой столкнется челове-

¹⁵ Fast, Howard. “Cosmopolitanism.” *Daily Worker* (April 26, 1956).

¹⁶ Fast, Howard. *Naked God*: 50, 51.

¹⁷ “Stalin’s Repressions Spelled Out in Khrushchev Speech Made Public Here.” *Daily Worker* (June 5, 1956).

¹⁸ Fast, Howard. “Man’s Hope.” *Daily Worker* (June 12, 1956).

ство; при социализме настанет социальная справедливость, если люди продолжат в это верить и вести бесстрашную и бескомпромиссную борьбу. Советский Союз — социалистическая страна, и по этой причине я с гордостью защищал ее публично¹⁹.

Исповедью Фаста не остались довольны ни компартия — для нее писатель превратился в ренегата, — ни американские либеральные круги, которые усмотрели в его размышлениях о свободе, равенстве и братстве намерение реабилитировать сталинизм.

Юджин Лайонс, глава Американского комитета по освобождению от большевизма, автор книги «Командировка в утопию» (1937), обратился к писателю с открытым письмом, призывая его «воссоединиться с миром свободных людей» и очистить свою совесть²⁰. По мнению Лайонса, Фасту не следовало возлагать большие надежды на первые «признаки перемен», затронувшие советское руководство, поскольку место покойного вождя заняли его верные ученики: они решились отрыть Западу полуправду, умолчав о «зверствах насильственной коллективизации, ужасающе разветвленной системе трудовых лагерей, фальсификации выборов в СССР и референдумов в странах Восточной Европы, взятых в заложники»²¹. Лайонс настаивал, что Фаст не мог не знать об этих вопиющих фактах, не раз описанных иностранными обозревателями, исследователями, советскими перебежчиками, бывшими заключенными лагерей. К 1956 г. в Америке образовался значительный массив антикоммунистических сочинений, и Фаст не был «ни первым, ни последним коммунистом», разочаровавшимся в своих иллюзиях. Лайонс указывал, что сходный путь прошли Уиттакер Чемберс, бывший советский шпион, автор книги «Свидетель» (*Witness*, 1952), а еще ранее — Грэнвилл Хикс, порвавший с коммунизмом после заключения в 1939 г. советско-германского пакта, и многие другие. Фаст был возмущен покровительственным тоном Лайонса. В ответе, напечатанном на страницах марксистского журнала *Masses and Mainstream*, он отказывался «присоединиться к миру свободных людей» — коммерчески успешных писателей, работающих на телевидении и в Голливуде, информантов ФБР, «дружественных сви-

¹⁹ Ibid.

²⁰ Lyons, Eugene. "An Open Letter to Howard Fast." *The New Leader* (July 9, 1956): 8.

²¹ Ibid.: 7–8.

детелей» НУАС и прозревших интеллектуалов, поливавших грязью компартию в своих мемуарах за щедрый гонорар²².

Руководство Национального комитета не оценило стремления Фаста сохранять status quo — на тот момент писатель отмежевался от «прогрессивного лагеря», но еще не решился на «кронштадтский мятеж»²³. По свидетельствам Гейтса, в разгар глубокого кризиса, настигшего Фаста — единственного на тот момент автора с мировой репутацией, не покинувшего компартию, — ни один функционер не посчитал нужным просто поговорить с ним²⁴. Самому писателю и вовсе казалось, что Фостер и Деннис искренне его ненавидели и с удовольствием бы избавились от него при первой возможности²⁵.

В то же время лидеры «прогрессивного еврейского движения» были настроены менее категорично, увидев в писателе союзника. В целом, еврейская секция компартии США представляла собой особую экосистему, сохранявшую известную автономность от Национального комитета КП. В 1956 г., чтобы предотвратить исход читателей *Morgen Freiheit*, еврейского аналога *Daily Worker*, Пол Новик, главный редактор газеты и по совместительству председатель еврейской секции, был вынужден пообещать, что в дальнейшем «будет руководствоваться принципом конструктивной критики недостатков советской системы» [Эстрайх 2010: 55].

Ключевые фигуры «прогрессивного еврейского движения» стремились поддерживать с Фастом дружеские отношения. Так, Хаим Суллер, секретарь секции, планируя свою поездку в СССР в июле 1956 г., просил Фаста договориться о встрече с представителями советской еврейской интеллигенции, задействовав личные связи. С этой просьбой Фаст напрямую обратился к Б. Изакову — в итоге встреча с пятнадцатью еврейскими авторами, среди которых были Самуил Галкин, Рахиль Баумволь, Ноях Лурье, Арон Вергелис и др., успешно состоялась²⁶. Вернувшись из СССР, Суллер разыскал Фаста,

²² Fast, Howard. “Reply to Eugene Lyons.” *Masses and Mainstream* (August 1956): 54.

²³ Термин «кронштадтский мятеж» введен Луи Фишером в статье, вошедшей в сборник «Низверженный Бог», составленный Р. Кроссманом: *The God that Failed*, ed. by R. Crossman. New York: Bantam Books, 1949. Он означает отход бывших коммунистов и сочувствующих («попутчиков») (таких как А. Жид, Р. Райт, И. Силоне, Л. Фишер и др., чьи тексты вошли в антологию) от прежних убеждений.

²⁴ Fast, Howard. *Being Red*: 352.

²⁵ *Ibid.*: 354.

²⁶ Harap, Louis. “Soviet Jews: Latest Eye-Witness Report.” *Jewish Life* (August 1956): 5.

чтобы лично поделиться с ним эксклюзивными подробностями о «преследованиях — не только евреев, но и представителей других национальностей, о казнях без суда, публичных порках, пытках»²⁷. Моррис Шапс, член компартии, редактор журнала *Jewish Currents*, взявшего резкий антисталинистский крен после публикации на Западе секретного доклада, совместно с Фастом принимал участие в написании открытого письма советскому руководству с требованием объяснить «антисемитские бесчинства» (никаких комментариев, однако, не последовало). Даже в 1957 г., когда Фаст окончательно разорвал с коммунизмом, Пол Новик просил писателя разрешить перепечатать в *Morgen Freiheit* отрывки его последнего романа «История Лолы Грегг» [Эстрайх 2010: 57].

В октябре–ноябре 1956 г. американскому коммунистическому движению был нанесен еще один удар. Венгерское восстание, жестоко подавленное советским режимом, произвело удручающее впечатление на сторонников СССР. Однако Фаст не реагирует на восстание по горячим следам: вплоть до начала 1957 г. писатель не выступает в печати. Он прекращает посещать партийные собрания, вносить членские взносы, будучи убежден, что в своей последней статье в *Daily Worker* от 12 июня 1956 г. публично заявил о своем выходе из компартии, что, безусловно, являлось большим преувеличением. Отойдя от партийных дел, писатель провел лето на горном курорте в Андирондаке. В мемуарах Фаст вспоминал:

Я перестал писать, и в каком-то смысле, перестал жить. Теперь я хотел только отдохнуть, подумать, привести все в порядок, насколько это было возможно, побыть с женой и детьми²⁸.

В письме Борису Полевому от 19 сентября 1956 г. он называл себя «человеком, явившимся свидетелем собственной смерти, человеком, продолжающим бессмысленное существование на земле»²⁹. Сетую на свою писательскую и человеческую долю, Фаст, однако, продолжал писать о том, как в СССР люди «работают, строят, видят, пишут, и делают все это с высоко поднятой головой, с гордостью за-

²⁷ Fast, Howard. *Being Red*: 345.

²⁸ *Ibid.*: 351.

²⁹ Г. Фаст — Б. Полевому. 19 сентября 1956 [цит. по: Петров 1992: 165].

кладывая фундамент будущего для всего человечества»³⁰. Эта лестная картина никоим образом не свидетельствовала о переходе Фаста, который прочитал секретный доклад Хрущева — «ошеломительную и ужасающую» летопись сталинских преступлений³¹, — в лагерь «врагов СССР».

В письмах к Полевому осенью 1956 г. писатель словно лавировал между Сциллой и Харибдой: с одной стороны, он верил в совместную борьбу советских и американских коммунистов за лучшее будущее человечества, в то, что «силы, породившие коммунистическую партию Америки, бессмертны, и борьба честных людей доброй воли будет продолжаться»³². С другой стороны, он признавал:

Прогрессивному движению здесь, в Америке, нанесен смертельный удар, и, возможно, коммунистическая партия в том виде, в каком мы ее видели здесь сейчас, на какое-то время прекратит свое существование. [...] Мое собственное будущее, разумеется, представляется мне в настоящий момент весьма туманным и тревожным, чтобы продолжать свою работу и творчество. Прежде всего мы должны прийти к сознанию, что старые прописные истины утратили свое значение³³.

За лето Фаст потратил все свои сбережения, и вдруг в октябре 1956 г. он получил извещение от советского посольства о намерении выплатить ему 600 000 долларов в феврале 1957 г. за изданные в СССР сочинения. Перед Фастом встал вопрос:

Возможно ли, что они не знали о моем разрыве с компартией? Или же это была грандиозная взятка за то, чтобы я остался ее рядах? [...] Мои близкие сказали, что я заработал эти деньги. Они принадлежали мне, и я не должен был от них отказываться³⁴.

По словам Фаста, он не хотел чувствовать себя обязанным, принимая эту гигантскую сумму, поэтому сообщил в советское посольство, что он вышел из компартии и намерен выступать с независимыми высказываниями, невзирая на гонорар. За исключением авто-

³⁰ Там же.

³¹ Fast, Howard. *Being Red*: 349.

³² Г. Фаст — Б. Полевому. 2 ноября 1956 [цит. по: Петров 1992: 167].

³³ Там же. С. 167–168.

³⁴ Fast, Howard. *Being Red*: 353.

биографической книги писателя, никаких письменных свидетельств о том, что он заблаговременно, то есть осенью 1956 г., известил советскую сторону о своем разрыве с левым движением, на данный момент не обнаружено. Напротив, в письме в ЦК от 11 февраля 1957 г. Б. Полевой и А. Чаковский сообщали:

Сейчас мы узнали, что Говард Фаст вышел из коммунистической партии. В этой связи мы испытываем затруднение в решении вопроса — отвечать ли Фасту, и если отвечать, то в каком духе³⁵.

Фаст настаивал, что так и не увидел обещанных денег за советские публикации. Однако российскому историку Г.В. Костырченко, работавшему в архивах РГАНИ и РГАСПИ, удалось разыскать секретное донесение в ЦК Б. Изакова: в нем утверждается, что Б. Изаков присутствовал в момент передачи денег Фасту в посольстве [Костырченко 2012: 265].

До 1957 г. ни советская, ни американская аудитория не знала о решении Фаста покинуть ряды коммунистов — хотя в своих мемуарах он утверждал обратное. Ажиотаж вокруг его решения поднялся в январе 1957 г., когда в журнале *Fortune* вышла статья «Дилемма в Нью-Йорке». Ее автор Дэниел Селигман в преддверии съезда КП США (9–12 февраля) обрисовывал мрачные перспективы, ожидавшие левое движение: внутривнутрипартийный раскол, массовый отток кадров, криминализация коммунистической идеологии, ограниченные финансовые ресурсы. Шанс справиться с такими вызовами был у Джона Гейтса, предлагавшего КП США пойти по пути демократизации, а именно, отказаться от внутренних чисток, позволить членам партии выражать несогласие с генеральной линией, не бояться открыто критиковать СССР. Все же Селигман не считал эти меры достаточными, так как гериатрический круг участников левого движения в Америке потерял понимание текущей политической обстановки. Этот тезис он подкреплял примером:

Говард Фаст, романист, который уже не является членом партии, недавно с некоторой досадой вспомнил, как он, выступая перед университетской аудиторией, сказал, что, если Сталин предпримет

³⁵ Б. Полевой и А. Чаковский — ЦК КПСС. 11 февраля 1957 [цит. по Петров 1992: 164]. Курсив мой.

какие-либо действия, противоречащие интересам советского народа, он может быть немедленно отстранен от должности. «В то время, — утверждает Фаст, — я твердо верил в то, что говорил»³⁶.

Гарри Шварц, журналист *New York Times*, специализировавшийся по странам Восточной Европы и СССР, обратил внимание на этот пассаж и сразу же связался с Фастом. Писатель подтвердил, что вышел из компартии, согласившись дать Шварцу эксклюзивное интервью. Впоследствии Фаст вспоминал, что «прекрасно знал о репутации Гарри Шварца, известного как “недружественного специалиста” по советским делам»³⁷. В прошлом он и сам осуждал антисоветскую деятельность Шварца, обвиняя его в продажности:

Беда в том, что мистеру Шварцу платят как эксперту по вопросу о том, что неладно в СССР (интересно, каких высот он мог бы достигнуть, если б ему платили как эксперту по вопросам о том, что в СССР ладно?)³⁸

Теперь же Фаста не волновало, кто выступит в качестве интервьюера. Принципиальное значение для него имела репутация газеты *New York Times*, не замеченной в искажении ответов и выдергивании цитат из контекста.

В этом интервью, опубликованном 1 февраля 1957 г., Фаст по большей части повторял главные тезисы своих выступлений в *Daily Worker*³⁹. Он выражал возмущение Хрущевым, не пообещавшим радикальных реформ, кампанией по борьбе с космополитизмом, травлей писателей, таких как, например, Дж.Т. Фарелл. Однако в оценке своей творческой деятельности он остался неизменен, отметив:

Я горжусь своими книгами. Я сожалею только о том, что перебарщивал в некоторых политических статьях — но в общем и целом, я не отказываюсь от написанного мною⁴⁰.

³⁶ Seligman, Daniel. “Dilemma in New York.” *Fortune* (January 1957): 238.

³⁷ Fast, Howard. *Naked God*: 30.

³⁸ *Фаст Г.* О фотографиях и труппах // Литературная газета. 1956. 2 февраля.

³⁹ Fast, Howard. “The Soviet Union.” *Daily Worker* (May 17, 1956). См. также: “The Current Scene.” *Daily Worker* (May 9, 1956); “The Need to Believe.” *Daily Worker* (June 4, 1956).

⁴⁰ Schwartz, Harry. “Reds Renounced by Howard Fast.” *New York Times* (February 1, 1957).

Своих советских друзей по переписке Фаст поставил в известность о решении разорвать с левым движением постфактум. Так, в письме Б. Изакову от 15 февраля он сообщал об интервью Гарри Шварцу, «не углубляясь в описание своей эмоциональной агонии и смятения»⁴¹. Фаст хотел получить от своего адресата ответное письмо и выражал «надежду, что страх не помешает» Изакову продолжить переписку⁴². Писатель также анонсировал политическое объяснение своего поступка в мартовском номере журнала *Masses and Mainstream*.

В статье «Мое решение», написанной по просьбе редактора *Masses and Mainstream*, Фаст сделал множество резких заявлений, избобличая конкретных высокопоставленных советских литературных чиновников и писателей. Эренбурга, которого раньше Фаст называл не иначе как «вождем мирового движения борьбы за мир»⁴³, он заклеил как предателя, молчаливо наблюдавшего за кампанией против космополитизма:

Я хорошо помню жестокий моральный приговор, который советский писатель Илья Эренбург вынес нацистам, да и приговор американцам был не менее жесток. Эренбург узнал о содержании «секретного доклада», но мы напрасно ждали его гнева, его праведной ярости или его морального негодования. Странно, но человек, который наблюдал и осуждал нацизм во время Второй мировой войны, очевидно, не посчитал поводом для протеста убийства еврейских писателей, поэтов и журналистов. Сам Эренбург — еврей, выжил, поскольку, очевидно, в Советском союзе существует разновидность «почетного арийца»⁴⁴.

Если раньше личное знакомство с Эренбургом Фаст считал большой честью, то теперь он вспомнил унижительные и нелепые подробности их знакомства:

Я встретил Эренбурга в Париже [...] я жевал резинку, как я часто делаю, и Эренбург без обиняков охарактеризовал это как скотскую

⁴¹ Г. Фаст — Б. Изакову. 15 февраля 1957. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. 3921.

⁴² Там же.

⁴³ Г. Фаст — А. Чаковскому. 19 мая 1955. РГАЛИ. Ф. 1573 оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 35.

⁴⁴ Fast, Howard. "My Decision." *Masses and Mainstream* (March 1957). «Почетный ариец» — нацистский термин, обозначающий человека неарийского происхождения, имевшего заслуги перед государством.

практику. То, что Говард Фаст мог позволить себе такое варварство, как жевательная резинка, ранило чувства Эренбурга. Его реакция напоминала негодование дамы викторианской эпохи в отношении мужчины, который не встал, когда она вошла в комнату⁴⁵.

Еще раз перечисляя преступления сталинского режима, Фаст выносил компартиям всего мира безапелляционный приговор, считая их «принципиальной преградой для достижения социалистической демократии». Себя же он назвал «жертвой самого невероятного мошенничества». Обманутый, он по ошибке защищал «кровавую баню», в которой погибли тысячи честных и невинных людей.

Ознакомившись с «Моим решением», партийные боссы «накинулись на Фаста, как стая волков»⁴⁶. В апрельском номере *Masses and Mainstream* вышла отдельная рубрика, в которой бывшие товарищи писателя давали свою оценку произошедшему. Когорта комментаторов была репрезентативна: Филипп Боноски — правоверный коммунист, автор пролетарских романов «Горящая долина», «Волшебный папоротник»; Герберт Аптекер — выходец из состоятельной нью-йоркской еврейской семьи, историк-марксист, редактор теоретического партийного журнала *Political Affairs* (по словам Фаста, «мало, кто читал этот журнал, а тех, кто понимал написанное там, было еще меньше»⁴⁷); Джозеф Старобин — редактор иностранного отдела *Daily Worker*, покинувший компартию в 1956 г. и написавший книгу «Американский коммунизм в кризисе, 1943–1957»; Луи Харап — редактор *Jewish Affairs*, издания, предназначенного для еврейских коммунистов, сохранивших верность СССР; Берт Кокрен — бывший член троцкистской Социалистической рабочей партии, основатель журнала *American Socialist*.

Аптекер, виртуозно овладевший выхолощенной партийной терминологией за годы работы в *Political Affairs*, обвинял Фаста в поддержке американского империализма, указывал на «заговор международного аппарата контрреволюционных сил», завершая статью традиционными заклинаниями о священной борьбе СССР против колониализма, расизма и войны⁴⁸. Боноски осудил Фаста за

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Fast, Howard. *Being Red*: 352.

⁴⁷ Fast, Howard. *Naked God*: 45.

⁴⁸ Aptheker, Herbert. "More Comments on Howard Fast." *Masses and Mainstream* (April 1957): 42–47.

«дезертирство под огнем»⁴⁹, а Харап — за «узкий и односторонний подход», нивелирующий достижения стран соцлагеря⁵⁰. Напротив, Кокрен похвалил Фаста за искренность и прямоту, отметив, что писатель еще сможет внести вклад в построение «нового демократического социалистического движения» в Америке⁵¹. Наиболее интересна в этом ряду статья Старобина, который вынес суровый приговор как «друзьям СССР», так и Фасту, оказавшемуся в стане его врагов и критиков. Старобин был убежден, что ни при каких условиях советское общество не может и не должно стать моделью того строя, который коммунисты хотят построить в Америке. В адрес Фаста он выпустил немало шпилек, уличая его в непомерном эгоизме и необоснованном самомнении:

Говард стал оракулом компартии по всем вопросам — от прав негров до социалистического реализма, [...] возглавлял все мыслимые комитеты, каждый раз брал слово, когда ему нечего было сказать, отказывал своим лучшим редакторам, просившим внести правки в первые редакции его сочинений, выпускал лучший роман года каждый год⁵².

На советских друзей Фаста известие о его решении покинуть компартию «обрушилось, как снег в июне»⁵³. В письме Фасту от 18 марта 1957 г. Полевой уверял, что «пишет ему без тени страха»⁵⁴, намеком на который Фаст незаслуженно обидел Бориса Изакова. Полевой посоветовал не переходить на оскорбления в переписке с друзьями, ведь на «дороге борьбы за мир и прогресс» им предстояло еще много общей работы. Панибратский тон по сути бессодержательного письма возмутил Фаста, и 25 марта 1957 г. он отправил Полевому резкое послание:

⁴⁹ Bonosky, Philip. "More Comments on Howard Fast." *Masses and Mainstream* (April 1957): 47–51.

⁵⁰ Harap, Louis. "More Comments on Howard Fast." *Masses and Mainstream* (April 1957): 55–56.

⁵¹ Cochran, Bert. "More Comments on Howard Fast." *Masses and Mainstream* (April 1957): 54–55.

⁵² Starobin, Joseph. "More Comments on Howard Fast." *Masses and Mainstream* (April 1957): 51–54.

⁵³ Б. Полевой — Г. Фасту. 18 марта 1957 [цит. по: Петров 1992: 169].

⁵⁴ Там же.

Я поднял вопросы — вопросы душераздирающие, имеющие жизненное значение, неужели на них нет ответов? Кто мы — дети или глупцы, что ваши настойчивые мольбы что-либо объяснить в ответ всегда вызывают одну лишь риторику? Разве можно принести больше вреда, чем уже нанесён, рассказав или показав нам, почему ваше правительство убивало еврейских писателей, почему Булганин использует антисемитизм в своей внешней политике, почему в вашей стране зародилась и была пущена в ход вся позорная теория антисемитизма под глупым названием «космополитизм»?

Разве ваше правительство или ты сам не в состоянии сказать ничего более разумного в объяснение беспрецедентной оргии убийств при Сталине, чем такие нелепости, как «культ личности»? Мы слышали, что Берия восстал против Сталина, выступая против безумств Сталина, и был убит Хрущевым и другими, потому что располагал фактами их преступлений. Почему это не опровергнуто? Почему не положен конец этим слухам? Где судебные отчёты по делу Берии?

Почему мы не слышим ни твоего голоса, ни голоса Изакова и других защитников романа «Не хлебом единым»? Может эта книга ничего не стоит, но разве автора не надо защищать? Почему никто не расскажет нам об обстоятельствах смерти Ицика Пфедфера? Поляки сообщили нам, что Хрущев пытался использовать антисемитизм, чтобы покончить с внутренней борьбой в Польше. Почему никто этого не отрицает? Где малейшее слово той критики и самокритики, о которой мы всегда слышали от вас?

Почему «Правда» пыталась покончить с борьбой внутри нашей партии, поддержав Фостера и тех, кто его окружает? Это нехорошие люди. Это больные, опьяненные властью люди, оторвавшиеся от реальной почвы Америки. Лучшие и наиболее мужественные в партии — против них.

А что сказать о твоём собственном письме, Борис? К чему прибегать к такой чепухе, как «почта стала ленива»? За весь прошлый год едва ли был хоть один день, чтобы я не получил одного-двух писем из России. Мне писали разные люди — школьники, рабочие, учителя, редакторы, театральные деятели и, конечно, ты и твои коллеги. Как же могло случиться, что через три дня после сообщения в «Нью Йорк таймс» о том, что я вышел из партии, вся моя почта из России мгновенно оборвалась?

Ты знаешь не хуже меня, что в те дни в советской прессе не было ни слова о моем поступке. Однако до твоего я не получал ни одного письма. Очевидно, все письма ко мне были задержаны на почте

так же, как и твоё предыдущее письмо было задержано на почте. Разве это свобода или хотя бы здравый смысл?

Что бы ты ни говорил о Соединённых Штатах, я писал в Россию многие годы и получал из России письма, и ни одно из них никогда не было задержано из-за того, что я говорил или делал.

Почему всё это продолжается? Разве человек не может честно и открыто выйти из коммунистической партии, честно и открыто критиковать советское руководство и всё же заслуживать человеческого обращения? Твоё собственное письмо говорит, что ты все ещё считаешь меня своим другом, невзирая на то, что я сделал — подразумевая, что я совершил нечто бесчестное и трагическое.

Но было ли когда-нибудь бесчестным следовать велению собственной совести? [...] Я не первый интеллигент, вышедший из партии в США после всего, что сказано в «докладе Хрущева».

Сэм Силлен, Ричард Бойер, Роб Холл, Барнард Рабин — это лишь несколько человек из многих, уже вышедших из партии. А наряду с ними вышли сотни рабочих и других членов партии, хороших, честных и ясно мыслящих людей, которых я чту и уважаю.

[...] почему, Борис, почему ты сказал нам здесь, в Нью-Йорке, что еврейский писатель Квитко жив и здоров, живёт с тобой в одном доме, по соседству, когда он был казнён и его давно нет в живых. Почему? Зачем тебе нужно было лгать? Почему ты не мог уклониться от ответа и сказать нам, что ты не знаешь или не хочешь говорить об этом? Зачем ты лгал, лгал так страшно и намеренно?

Сейчас у вас уже есть моё заявление, опубликованное в «Мейн-стрим». Опубликуйте его. Опубликуйте это письмо. Ответьте на мои доводы. Скажите мне, что с террором покончено. Скажите мне, что антисемитизма больше нет, что он изжит. Потребуйте отмены смертной казни. Это старая и прекрасная мечта социализма. Скажите нам правду — только одно: правду. Возможно, было глупо, что я не знал об этом терроре раньше, но я действительно о нём не знал. Вы хотите, чтобы я преклонялся перед коммунистической партией, как перед иконой? [...] Напечатайте это письмо в «Литературной газете». Откройте все двери! Дайте волю словам. Только так можно залечить рану, нанесённую миру. И пусть ни один человек не пострадает за то, что он выскажет свои мысли прямо и честно. И я хочу остаться твоим другом. Могу ли я? Это зависит от тебя⁵⁵.

⁵⁵ Г. Фаст — Б. Полевому. 25 марта 1957 [цит. по: Петров 1992: 171].

Ответить на эти вопросы от себя Полевой не мог, поэтому обратился в ЦК за консультацией. Секретари ЦК Д.Т. Шепилов, М.А. Суслов, заведующий международным отделом Б.Н. Пономарев взяли переписку под личный контроль, а в качестве куратора к Полевому был приставлен журналист «Правды» Ю.А. Жуков.

В первом варианте ответа Полевой удивлялся, зачем Фаст берёт старые раны, смущает умы и сеет панику в сплочённых рядах коммунистов:

Прочитал я ваше последнее письмо, прочитал и, честно говоря, поразился — какие странные метаморфозы происходят на белом свете! [...] Совсем недавно в интервью, данном Гарри Шварцу, автор письма заявил, что он не станет ни антисоветчиком, ни врагом коммунизма. А сейчас он, как промокашка, впитывает антисоветские и антикоммунистические сплетни и берет материал для публичных размышлений из арсенала тех самых пропагандистов холодной войны, к которым сам совсем еще недавно относился с презрением. Я обращаюсь к тому, прежнему Говарду Фасту, с которым мы еще недавно так хорошо понимали друг друга, и спрашиваю: зачем это? К чему? Кому и чему на пользу? [Цит. по Петров 1992: 174].

Хотя Полевой декларировал, что «не уклоняется от прямых и острых разговоров», ни на один вопрос Фаста он не дал внятного ответа. Эта очередная порция риторики не могла произвести желаемого эффекта «убийственного разоблачения сплетен». Как отметил Ю. Жуков, создавалось впечатление, словно «Фаст стоит в позе обвинителя, а Полевой отмалчивается, будто ему нечего сказать». Ю. Жуков предлагал переписать ответ, взяв за основу следующие тезисы:

Можно и нужно высмеять подброшенный Фастом миф о том, будто Берия «восстал против Сталина» и «был убит Хрущевым и другими потому, что располагал фактами их преступлений». Можно и нужно ответить на домыслы Фаста о том, что «Булганин использует антисемитизм в своей внешней политике», а «Хрущев пытался использовать антисемитизм... в Польше», сказать, что Фаст — в плену у врагов, раздувающих эти сплетни в стремлении восстановить плохо информированных людей против СССР и выручить Израиль, скомпрометировавший себя агрессией. В то же время, не уклоняясь, сказать, что проявления антисемитизма у нас были, как они существуют в США,

о чём Фаст прекрасно знает, что в своё время Сталин, которого Фаст сейчас проклинает, резко заклеил антисемитизм, что и сейчас мы ведём борьбу с антисемитизмом.

Сказать, что американские пропагандисты, среди которых, кстати сказать, есть и закоренелые антисемиты, проливая крокодиловы слёзы по поводу судьбы Пфеффера, Квитко и других, утрата которых для всех нас была трагедией, делают вид, будто эти писатели явились жертвой только расовых преследований, умышленно умалчивая о том, что банда Берии истребляла отнюдь не только евреев, но и крупнейших деятелей всех национальностей. Их судьба, однако, Фаста, по-видимому, не трогает. [...] Можно и нужно сказать, что мы не считаем нужным публиковать статью Фаста из «Мейнстрим» и публиковать его истерические письма, ибо он этими выступлениями упорно тащит нас назад, к перевернутой нами странице прошлого, к самокопанию, в то время как сейчас мы, ликвидировав последствия культа личности, боремся за решение больших, сложных, трудных задач сегодняшнего и завтрашнего дня. Погрязнув в своей американской достоевщине, Фаст сам отстал от борцов за новую жизнь и тянет нас в то же болото. [...] Что же касается жалоб Фаста на то, будто «цензура не пропускает к нему писем советских людей», надо сказать, что он напрасно думает, что у нас существуют такие же порядки, как в США, где на так называемой «таможне» тюками сжигают идущие из СССР письма и книги. Именно там, по-видимому, погубило первое письмо Полевого, а второе дошло только потому, что оно пошло обходным путём, через друга, живущего в Мексике.

Надо сказать прямо и другое: хотя наши газеты и не пишут по приведённым выше соображениям о позиции Фаста, — советские люди знают о ней. Они читают иностранные газеты, слушают радио и находятся в курсе всех дел. Естественно, что «новое лицо» Фаста их разочаровывает, возмущает, и Полевой не раз слышал во время встреч с читателями их гневные высказывания в адрес Фаста⁵⁶.

Примечательно, но Полевой не согласился с Жуковым. Он считал, что уже «представленный текст не нуждается в изменениях» и что вступать в полемику с Фастом нецелесообразно, поскольку таким образом советская сторона окажется вовлеченной «в бой на невыгодных позициях (в частности, в пресловутом “еврейском во-

⁵⁶ Ю. Жуков — Д. Шепилову. 6 мая 1957 [цит. по: Петров 1992: 176].

просе⁷⁷) и подставит свои бока под новые пропагандистские удары противника»⁵⁷.

В споре Полевого и Жукова секретари ЦК Д.Т. Шепилов и М.А. Суслов встали на сторону последнего, попросив перестроить ответ Фасту таким образом,

чтобы он был не просто выражением гнева, возбужденного провокационными вопросами и всей паршивой позицией [Фаста — О.Щ.], а приобрел характер аргументированного диалога, рассчитанного и на возможность публикации в американской печати, и на возможность продолжения личной переписки⁵⁸.

Новую редакцию письма Полевой снабдил конкретикой, отметив:

Да, у нас была большая народная трагедия. Да, этот Ирод наших дней вырвал из наших рядов наших товарищей — Пфедфера и Квитко. Но разве только их? Среди тех, кто пострадал от подлой руки этого негодяя, были русские, украинцы, белорусы, грузины, армяне. Русских — больше всего. И не тогда, когда всё это происходило, а теперь — когда правительство мужественно восстановило правду, когда все эти люди реабилитированы, когда живые возвращены к своим семейным очагам, когда выходят новые и новые тиражи их книг, устраиваются вечера памяти погибших, — вы возводите на наше сегодняшнее правительство такие обвинения!

Может, вы при этом имеете в виду наши отношения с государством Израиль в дни предпринятой им агрессии против Египта? Говард, разве вам трудно освежить в (вашей — вычерк) памяти хотя бы то, что наша страна первой признала молодое государство Израиль и старалась осуществлять с ними дружеское отношение (пока ему шли навстречу — вычерк)? Что же касается событий прошлого года, то в отношении этого я вам скажу, что для нас любой агрессор — агрессор, кто бы он ни был. Я, старый русский солдат, был одним из тех, кто записался в те дни добровольцем. Но вместе со мной в тот же день и в том же военкомате подали такие же заявления стать добровольцем и другие еврейские писатели Эммануил Казакевич и Рудольф

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Б. Полевой — Д. Шепилову. [без даты] [цит. по: Петров 1992: 177].

Бершадский. Может быть, и мы с ними, по-вашему, антисемиты? Может быть, вы будете утверждать, что не Израиль вторгся в Египет, а Египет вторгся в Израиль?⁵⁹

Кроме того, Полевой настаивал: большинство членов КП США уважает Фостера и готово идти за ним, роман Дудинцева «Не хлебом единым» — крик разочаровавшегося «лакировщика действительности», в СССР решили отказаться от публикации статьи Фаста «Мое решение», поскольку все, о чем писал Фаст, для советских людей — «уже перевернутая страница, и было бы глупо и жестоко — только для того, чтобы сделать приятное автору, снова беречь раны, которые начали уже подживать»⁶⁰.

Написание, редакцию, повторные ревизии этого ответа ушло почти два месяца — последнюю версию письма Фасту Полевой отправил в ЦК 17 мая 1957 г. Фаст между тем решил предать гласности письмо Полевого от 18 марта 1957 г. и свой ответ на него от 25 марта⁶¹. Этот сценарий не был для ЦК неожиданностью: в служебной записке секретарю ЦК Д. Шепилову Полевой предвидел такое развитие событий, считая, что публикация писем не принесет вреда, а напротив, может оказаться полезной, если инсинуации Фаста будут спокойно и аргументированно опровергнуты⁶². Однако победа в этой информационной войне оказалась за Фастом, поскольку из попытки сочинить ему достойный ответ так и не вышло ничего путного: «в ЦК вскоре “признали целесообразным” не отвечать американскому писателю, и многожды редактированное послание Полевого было отправлено в архив» [Костырченко 2012: 262].

С этого момента «железный занавес» опустился перед Фастом. Описывая этот переломный момент, он отмечал:

Я просто перестал существовать на 1/6 части Земли. Мое имя не упоминалось даже ретроспективно, меня не только не стало, но и никогда не было. Моя пьеса «Генерал Вашингтон и колдун» шла в исполнении театра Красной армии в Москве, представления продолжались, но

⁵⁹ Б. Полевой – Г. Фасту. [без даты] [цит. по: Петров 1992: 179–180].

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Salisbury, Harrison. “Writers in the Shadow of Communism.” *New York Times* (June 9, 1957).

⁶² Б. Полевой — Д. Шепилову. [без даты] [цит. по: Петров 1992: 177].

пресса больше не упоминала этот факт. Миллионы книг продолжали читать, но автор перестал существовать, исчез из памяти⁶³.

Действительно, имя Фаста целых полгода не упоминалось в советской прессе. При этом для массовой советской аудитории он все еще оставался «прекрасным романистом, писателем-борцом и настоящим парнем»⁶⁴. Вскоре стало понятно, что Фаст не собирается останавливаться на достигнутом: намереваясь написать «клеветническую книгу», он будет продолжать оправдывать свое ренегатство и разоблачать сталинский режим. 14 августа 1957 г. Б.Н. Пономарев предложил развернуть в прессе кампанию против Фаста:

До сих пор в нашей прессе не публиковались материалы о ренегатстве Фаста, что вводит в заблуждение советских читателей, продолжающих рассматривать его как прогрессивного писателя. В связи с этим считали бы целесообразным поручить Союзу советских писателей (т. Суркову) подготовить для опубликования в советской печати статью с критикой нынешней позиции Г. Фаста.

ССП «взял под козырек», и уже через десять дней «Литературная газета» напечатала заметку о решении писателя покинуть компартию⁶⁵. В этой статье (вышедшей без указания авторов, от редакции) читателям не было предложено внятного объяснения причин разрыва Фаста с левым движением. Статья была основана на развернутых выдержках из выступлений «американских товарищей» — Г. Аптекера и Ф. Боноски, осудивших в апреле 1957 г. «дезертирство» Фаста на страницах *Masses and Mainstream*.

В декабре 1957 г. Фаст отправил в газету *New York Herald Tribune* открытое письмо советским писателям. В нем он выражал протест против осуждения венгерских писателей Ишбора Дери, Золтана Зелка и Тибора Тардоша, «первых, кто поднял свои голоса против коммунистической диктатуры»⁶⁶. Ссылаясь на собственный опыт, Фаст утверждал, что «художники погибают в условиях тирании», ведь

⁶³ Fast, Howard. *Naked God*: 32.

⁶⁴ Б. Полевой — Г. Фасту. [август 1956]. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3845.

⁶⁵ Дезертирство под огнем. По страницам прогрессивной печати США // Литературная газета. 1957. 24 августа.

⁶⁶ Fast, Howard. *Naked God*: 107.

свобода, а не послушание является для них экзистенциальной и профессиональной необходимостью⁶⁷. В открытом письме Фаст писал:

Я вышел из Коммунистической партии потому, что я больше не мог оставаться в организации, где сознание человека подавляется с помощью страха и угроз, но я надеялся, что это моё действие так же, как выход во многих странах из рядов коммунистических партий тысяч представителей интеллигенции, подчеркнёт тот факт, что социализм без индивидуальной свободы является обманом и издевательством.

И всё же холодное и ужасное молчание коммунистической интеллигенции в отношении несправедливости, совершенной их собственными правителями, заставляет людей доброй воли во всех странах задавать себе вопрос о том, изменилось ли что-нибудь в конце концов. Я прямо спрашиваю вас об этом.

Если вы будете молчать в отношении чудовищной несправедливости в Венгрии, сможете ли вы тогда утверждать, что ваш голос является голосом цивилизации и гуманизма?

Я напоминаю вам, что, когда Пфедфер, Бергельсон и Квитко подверглись мучениям, а затем были убиты вашим собственным правительством, вы молчали. Сегодня вы утверждаете, что вы не знали об этом факте. Вы утверждаете, что подобным варварским действиям в отношении писателей положен конец. Вы утверждаете, что ваша страна — Советский Союз — действительно является страной свободы и человеческого достоинства⁶⁸.

Одновременно с этим Фаст трудился над автобиографической книгой «Голый бог», вышедшей в декабре 1957 г. Помимо осуждения недалновидного руководства КП США, в «Голом боге» он произвел ревизию своих прежних эстетических взглядов. Если раньше Фаст утверждал, что под руководством компартии советские писатели правдиво живописуют реальность, то теперь он забрал свои слова обратно. Особое неприятие у Фаста вызвали царящие в советской литературе викторианское ханжество, застой, скука и посредственность. Демонстрируя близкое знакомство с ключевыми литературными произведениями советской эпохи, Фаст вспоминал:

⁶⁷ Ibid.

⁶⁸ Говард Фаст обвиняет. Письмо советским писателям. Статья из газеты *New York Herald Tribune* [цит. по: Петров 1992: 184].

В книге Полевого «Повесть о настоящем человеке» нет и намека на то, чем живет «настоящий человек»; однажды вечером у себя дома я спросил его лично, как он осмелился написать невероятную и ханжескую сцену, развернувшуюся ночью в доме медсестры, и опустить любовь и секс до уровня Полли Пигтэйлс⁶⁹. Он пожал плечами, робко улыбнулся и сказал: «Нашим людям это нравится»⁷⁰.

Реакция на «Голого бога» в США была бурной. Гарри Шварц резюмировал ее содержание следующим образом:

В своей книге Фаст объясняет, почему он порвал с коммунистическим движением, оставаясь преданным ему даже на протяжении наиболее трудных послевоенных лет, характеризовавшихся ростом антикоммунистических настроений в нашей стране. Это эмоциональная книга, которой присущи как достоинства, так и недостатки, диктуемые непосредственно выраженным чувством⁷¹.

Другие западные рецензенты обратили пристальное внимание на сомнительные художественные достоинства книги. Так, Ирвин Хоу констатировал: «Как произведение литературы “Голой бог” стоит на исключительно низком уровне. Книга нестройна по композиции, напыщенна по стилю, криклива и истерична»⁷². Хоу находил смешным экзальтированный тон Фаста, описывавшего свое прозрение так, словно истины, открывшиеся ему, уже давно не были достоянием общественности.

В СССР между тем продолжалась кампания в прессе против ренегата Фаста. С критикой «Голого бога» выступил Николай Грибачев. Не став друзьями по переписке, они с Фастом свели личное знакомство в Нью-Йорке во время поездки в США в 1955 г. семерых советских журналистов. В разгромной статье «Говард Фаст — псаломщик ревизионима», появившейся в начале 1958 г. в Литгазете», Н. Грибачев сравнивал американского писателя с «мухой, внушающей желание решить санитарную проблему», а «Голого бога» — с «кислой эклектической окрошкой». По мнению Грибачева, Фаст, как и прочие

⁶⁹ Полли Пигтэйлс — девочка-подросток, героиня серии комиксов, чью целевую аудиторию составляли девочки 7–12 лет.

⁷⁰ Fast, Howard. *Naked God*: 122.

⁷¹ Schwartz, Harry. “Review of Naked God.” *New York Times* (December 1, 1957).

⁷² Howe, Irving. “Captive Not Quite Freed.” *New Republic* (December 16, 1957).

«рenegаты», «любит длинно и путано повествовать о мотивах своего поведения», становится похожим на человека, «который каждому встречному пытается втолковать, что новый костюм он купил, а не украл». «Голого бога» Н. Грибачев причислил к книгам-однодневкам, не оправдавших надежд даже буржуазной печати:

Рецензии на книгу пока что короче воробьиного хвоста, кисловатые, и вряд ли разойдется даже первый тираж [...] Единственной ходячей рекламой книги Говарда Фаста стал Гарри Шварц — тот самый желтый Гарри Шварц, в жилетку которого плакался первым интервью Говард Фаст. Вот уж поистине собралась парочка!⁷³

Б. Изаков, с которым Фаст лично встречался в Нью-Йорке и с тех пор поддерживал дружескую переписку, выступил с ядовитой критикой на страницах «Иностранной литературы». Предав дело коммунизма, Фаст, по мнению Изакова, следовал интересам финансового характера: «Сегодня Говарду Фасту сделают в Америке пышную рекламу. Нынешнему Фасту не грозит больше бойкот издательских и книготорговых фирм. Жить ему будет доходней и прелестней»⁷⁴. Завершает свою статью Изаков ссылкой на известную в Советском Союзе пьесу Фаста: «в наши дни Иуда тридцатью серебряниками не бросается»⁷⁵.

Платформу для ответа на травлю в советской прессе Фасту предложило Радио «Освобождение» (с 1959 г. — Радио «Свобода»). Ссылаясь на свой личный архив, Джин Сосин оставил воспоминание о выступлении писателя:

Фаст согласился записать выступление на английском языке в нашей нью-йоркской студии. Мы сделали русский перевод и наложили его на оригинал, создав эффект присутствия у микрофона. Фаст нанес ответный удар за «безобразную ругань» и назвал её «выдумкой и бессовестной ложью», добавив, что, насколько он помнит, даже Гитлера так не поносили в советской прессе: «Когда великая и могущественная страна демонстрирует дурной вкус и хулиганские замашки, это

⁷³ Грибачев Н. Говард Фаст — псаломщик ревизионизма // Литературная газета. 1958. 30 января.

⁷⁴ Изаков Б. Две исповеди Говарда Фаста // Иностранная литература. 1958. № 2. С. 218

⁷⁵ Там же. С. 220.

можно объяснить только пренебрежением на государственном уровне нормами цивилизованного поведения». Затем он обратился к «миллионам читателей в Советском Союзе», которые знают и любят его произведения: все написанное о нем в «Литературной газете» — ложь. «Эта газета, — сказал он, — всегда была послушным орудием в руках партийного руководства в его борьбе против свободного искусства и в стремлении подавить независимое мышление всех писателей страны»⁷⁶.

Познакомить советскую аудиторию с книгой Фаста было практически невозможно, однако Центральное объединение политических эмигрантов из СССР (ЦОПЭ) все же перевело и издало «Голого бога» на русском языке. Почти двадцать лет спустя, в 1977 г., отрывки этой книги на «Радио Свобода» читал А. Галич.

В последнюю битву с советским руководством Фаст вступил в 1959 г., когда встал на защиту Пастернака. В интервью Джину Сосину Фаст осуждал бессовестных наемных критиков, организовавших травлю «одинокого, оставленного на поругание» писателя. Отрывки из этого выступления были напечатаны в передовице *Washington Post*⁷⁷, а более обстоятельный комментарий появился в журнале *Midstream*. Фаст объяснял «хулиганские выходки» партийной номенклатуры, заставившей Пастернака отказаться от Нобелевской премии, его пацифистской позицией: в романе «Доктор Живаго» война живописуется как абсолютное зло — и эта философия была чужда Советскому Союзу, который, разглагольствуя о мире, в реальности прибегал к насилию для решения любого политического вопроса. Фаст не разделял мнения, согласно которому причиной травли Пастернака было его еврейское происхождение. Он настаивал, что советские евреи могли быть обласканными начальством, а могли оказаться в опале — все потому, что советский антисемитизм не имел расовой основы, как в нацистской Германии. Доказывая этот тезис, Фаст ссылаясь на пример своих бывших друзей:

Сталин не возбуждал дел против таких писателей, как Эренбург и Гроссман, которые были евреями, просто по происхождению. Из

⁷⁶ Сосин Дж. Искры свободы. Воспоминания ветерана радио / пер. О. Поленовой и И. Толстого. [Б.и.], 2008. С. 57.

⁷⁷ “Fast Assails Soviet Writers.” *Washington Post* (November 4, 1958).

достоверных источников мы узнали, что Борис Полевой, играющий теперь в высшей степени позорную роль приспешника презренного Суркова и мелких чиновников «Литературной газеты», тоже еврей, как и Борис Изаков из Иностранного отдела Союза писателей, который написал мне, что с удовольствием станет добровольцем на стороне Египта против Израиля⁷⁸.

Завершая статью, Фаст говорил об огромном репутационном ущербе, который «хрущевская клика» нанесла самой себе в глазах всего цивилизованного западного мира преследованиями Пастернака: травля «храброго и талантливого» художника показала, что советское общество, управляемое пропагандистами с плохими манерами и безобразными замашками, движется по дороге регресса.

После 1958 г. советская пресса больше не упоминала о Фасте, и ответа на его статью о Пастернаке не последовало. Окончив кампанию по «разоблачению Иуды», в СССР предпочли забыть о нем. На Западе, напротив, тиражи произведений Фаста резко выросли. В 1990 г. Фаст выпустил вторую, более объемную автобиографию «Как я был красным» — на русском до сих пор вышли только ее фрагменты⁷⁹.

Как определял сам Фаст, главное отличие «Голого бога» от мемуаров «Как я был красным» состояло в том, что первая книга была написана «в ярости», вторая — «в раздумьях»⁸⁰. Огромная временная дистанция (почти тридцать пять лет), с которой Фаст вглядывался в свое «красное» прошлое, давала ему большие преимущества. Во-первых, страсти, разожженные хрущевским докладом, заметно поутихли. Во-вторых, к 1990-м гг. исследования американского левого движения вышли на качественно другой уровень, и Фаст, сев за написание своих мемуаров в конце 1980-х, не мог избежать влияния изменившейся научной парадигмы. Модным стал автобиографический подход: опираясь на дневники, личную корреспонденцию, мемуары, историки литературы предприняли попытку восстановить «образ человека» (humanscape)⁸¹, ввести в политико-институциональную исто-

⁷⁸ Fast, Howard. "The Ordeal of Boris Pasternak." *Midstream* 5, no. 1 (Winter 1959): 42.

⁷⁹ *Фаст Г.* Как я был красным // Дружба народов. 2001. № 10–11.

⁸⁰ Wald, Alan and Alan Filreis. "A Conversation with Howard Fast." *Prospects: An Annual of American Cultural Studies*, no. 20 (1995): 511–523.

⁸¹ Термин встречается в переписке А. Казина и Дж. Хербст, обсуждавших литературу «красных тридцатых».

рию личностное измерение. Фаст наблюдал, как в 1980-е зарождался грандиозный проект «Устная история левого движения», в котором приняли участие респонденты — рядовые члены КП, принадлежащие к разным социальным и этническим группам: темнокожие активисты, евреи, женщины, жители южных и северных штатов, горожане и жители сельской местности, иммигранты и коренные американцы [Buhle, Kelley 1989]. Все они рассказывали о своем личном опыте радикальной борьбы, разочарованиях и надеждах, возлагавшихся на компартию.

Уловив интерес исследователей и публики к раскованному, непосредственному диалогу, непринужденной беседе, Фаст соответствующим образом конструирует нарратив книги «Как я был красным». Рассказывая о своих друзьях и врагах, успехах и поражениях, писатель педалирует идею о том, что рядовые члены КП США, не занимавшие административных позиций, были честными людьми, вступившими в борьбу за освобождение человечества. В пику историкам времен холодной войны, ставивших перед собой задачу разоблачить «русский след» и выставить американских коммунистов советскими шпионами [Storch 2001], Фаст утверждает: «большинство из нас никогда не были в СССР, мы мало о нем знали, еще меньше мы знали о Сталине»⁸². Фокус своего повествования Фаст переносит с разоблачений советского режима на «домашний» американский контекст, что было воспринято критиками, обозревавшими мемуары, как попытка реабилитировать компартию. Журналист газеты *Commentary* замечал:

Тридцать пять лет спустя Фаст написал новые мемуары, в которых он настаивает, что коммунистический взгляд на историю, которого он сам долго придерживался, по сути своей истинен. Заклятый враг для Фаста — Гарри Труман. Его он обвиняет и в развязывании холодной войны, и в маккартистских преследованиях. На Советский Союз, ошибки внутренней политики которого он охотно признает, Фаст не возлагает никакой ответственности за международную напряженность⁸³.

Вторичная ревизия взглядов пришлась не по вкусу многим критикам, в том числе и автору наиболее исчерпывающей новейшей

⁸² Fast, Howard. *Being Red*: 138.

⁸³ Radosh, Ronald. “About-Face: Being Red: A Memoir by Howard Fast.” *Commentary* (March 1991): 62.

биографии писателя — Джеральду Сорину, аттестовавшему мемуары Фаста как «беззастенчиво эгоцентричный портрет человека, убежденного, что он делал правильный выбор в нужное время» [Sorin 2012: 383].

Так или иначе, но предлагаемая Фастом в книге «Как я был красным» оптика позволяет проследить зрешую в нем неудовлетворенность собой, когда на публике он предстал «коммунистом-консерватором», носящим англо-американский модернизм, экспериментальную современную литературу, а в кулуарах обличал своих советских товарищей-писателей во лжи. В мемуарах Фаст утверждает, что, когда в СССР он был на пике популярности, его вера в советское искусство, политику, идеологию уже была потеряна. Писатель оказался в западне. Во всем социалистическом мире его превозносили как мученика, пострадавшего от происков «охотников за коммунистами», и Фаст должен был соответствовать этому образу, оставаясь в партии на удивление долго.

В посткоммунистический период творчества, когда все связи с СССР были разорваны, Фаст вновь возвратился к жанру исторического романа, с которого начинал свой путь в литературу. Он писал об эпохе античности («Дочь Агриппы», 1964), средневековой инквизиции («Торквемада», 1966), американской революции («Гессиян», 1972), а в 1980-х гг. создал знаменитую пенталогию «Иммигранты», успешно экранизованную Голливудом. После разрыва с коммунистами Фасту удалось выйти из «черного списка» и продолжить зарабатывать на жизнь писательским ремеслом — а именно об этом он и мечтал, когда сочинял первые рассказы в маленькой квартире бедных родителей-эмигрантов.

ЛИТЕРАТУРА

Костырченко 2021 — *Костырченко Г.В.* Тайная политика Хрущева. Власть, интеллигенция, еврейский вопрос. М.: Международные отношения, 2012.

Петров 1992 — *Петров А.* «Эх, Говард!» (История одного неотправленного письма) // Знамя. 1992. № 8. С. 163–186.

Эстрайх 2010 — *Эстрайх Г.* Советские заботы нью-йоркского редактора Пола Новика // Русское еврейство в зарубежье / ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим–Торонто–СПб.: [Б.и.], 2010. Т. 20: Русские евреи в Америке. Кн. 4. С. 54–68.

REFERENCES

Buhle, Kelley 1989 — Buhle, Paul and Robbin Kelley. “The Oral History of the Left in the United States: A Survey and Interpretation.” *The Journal of American History* 76, no. 2 (1989): 537–550.

Estraikh 2010 — Estraikh, Gennady. “Sovetskie zaboty n'iu-iorskogo redaktora Pola Novika” [“Soviet Concerns of Paul Novick”]. In *Russkoe evreistvo v zarubezh'e* [*Russian Jewery Abroad*] 20, book 4, edited by Je. Zal'cberg, 54–68. Ierusalim–Toronto–Saint-Petersburg: [n.p.], 2010. (In Russ.)

Kostyrchenko 2021 — Kostyrchenko, Gennady V. *Tajnaja politika Hrushheva. Vlast', intelligencia, evrejskii vopros* [*Khrushchev's Secret Politics: The Government, the Intelligentsia, the Jewish Question*]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2012. (In Russ.)

Petrov 1992 — Petrov, A. “‘Eh, Govard!’ (Istoriia odnogo neotpravlennogo pis'ma)” [“‘Ah, Howard!’ (The Story of an Unsent Letter)”]. *Znamya*, no. 8 (1992): 163–186. (In Russ.)

Sorin 2012 — Sorin, Gerald. *Howard Fast: Life and Literature in the Left Lane*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2012.

Storch 2001 — Storch, Randi. “Moscow’s Archives and the New History of the Communist Party of the United States.” *Perspectives on History* (October 2001). <https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/october-2000/moscows-archives-and-the-new-history-of-the-communist-party-of-the-united-states> (accessed: 01.07.2023).

ПРИЛОЖЕНИЕ

I. ПЕРЕПИСКА Г. ФАСТА И Б. ПОЛЕВОГО

(ноябрь 1955 — октябрь 1956)

Г. Фаст — Б. Полевому

28 ноября 1955

Дорогой Борис,

С тех пор, как ты уехал, я все время собирался написать тебе и думал о том, какими словами я мог бы выразить тебе и твоим товарищам, какое значение имел для нас вечер, проведенный вместе с Вами. Наверно, лучше всего об этом можно сказать самыми простыми словами. Эта встреча вдохнула в нас новые силы, составила самые драгоценные и светлые воспоминания. Примите ото всех нас и от меня лично заверения в нашей любви и верности и дружбе. Искренне [Говард Фаст].

P.S. Все в восторге от твоего великолепного подарка¹.

Письма публикуются по: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3845. Письма Г. Фаста, если не указано иначе, публикуются в русском переводе, сохранившемся в РГАЛИ.

¹ Полевой подарил Фасту и его семье большой чернильный набор гуцульской работы. В «Американских дневниках» он сомневался в практичности подарка: «Я буду плохим журналистом и психологом, если ошибусь, предположив, что этот прибор простоит здесь недолго. Ведь человек, испытывающий упоение в труде, не потерпит в часы работы перед собой ничего лишнего, декоративного, отвлекающего» (*Полевой Б.* Американские дневники. М.: Сов. писатель, 1956. С. 252).

2. Б. Полевой — Г. Фасту

[декабрь 1955]

Мой дорогой Говард!

Как говорится, у Вас в сенате — может ли джентльмен из Москвы просить время у джентльмена из Нью-Йорка. Я убедился, что работаете вы бешено, что времени у вас мало, и тем не менее первое, что я делаю, вступив на родную землю — это пишу Вам и Вашей милой супруге. Я никогда не забуду того человеческого вечера, когда мы с Вами удрали из нашей аристократической «Уолдорф-Астория» и совершили экскурсию к вам, в ваш милый уютный домик. Вот уж где мы в первый раз за все путешествие по-настоящему сняли пиджа-

ки, расстегнули воротники и отдохнули как следует. Один такой вечер стоит месяца, проведенного в Сочи.

Мы полны впечатлений об Америке. Издали и не представить себе, какая это большая и интересная страна. На последней пресс-конференции¹, когда нас спросили — изменилось ли в результате поездки наше представление об Америке и американцах — я честно сказал: нет. И объяснил это тем, что по книгам лучших писателей Америки, среди которых назвал и Ваши, мы хорошо знаем и любим эту страну, ее трудолюбивый, инициативный народ. Теперь, когда впечатления, взятые из хороших книг, пополнились живыми наблюдениями, я особенно полюбил Ваш народ, что говорю Вам совершенно искренно, как одному из умнейших американцев современности.

Теперь, когда я узнал, как Вы живете, я не буду утруждать Вас длинными письмами, в чисто русском вкусе. Буду экономить Ваше время. Поэтому примите от меня, дорогой Говард, самые лучшие пожелания. Мое семейство в полном составе приветствует Ваше семейство, благодарит за то гостеприимство, которое Вы мне оказали. Для фотографии Вас заказана рамка. Юленька особенно приветствует Вашу супругу, как хранительницу домашнего очага, горящего в столь сложных условиях.

Сообщаю Вам, что один молодой литератор, известный у вас как биограф Поля Робсона², уже передал вашу пьесу.

Обнимаю

Ваш [Борис Полевой].

¹ Пресс-конференция по итогам поездки в США состоялась 2 декабря 1955 г. в Центральном Доме журналиста. ТАСС сообщал: «Советским журналистам понравились многие достижения американской техники и культуры, сердечный прием. В то же время им, конечно, не могли понравиться те постыдные обструкции, которые устраивались несколько раз в отношении членов делегации толпой безответственных и нетрезвых крикунов. Им не могло понравиться, что на аэродроме в Нью-Йорке их встречали полицейские и почти повсюду сопровождали детективы в штатской одежде» (Пресс-конференция советских журналистов, посетивших Соединенные Штаты Америки // Правда. 1955. 3 декабря).

² Виктор Соломонович Горохов (1924–2006) — журналист, писатель, мемуарист, автор биографического романа о Робсоне. См.: *Горохов В.* Робсон. М.: Сов. писатель, 1952.

3. Б. Полевой — Г. Фасту

[декабрь 1955]

Дорогой Говард!

Знаю, как медленно носит почта наши с тобой письма, заранее, заблаговременно поздравляю тебя и все твоё семейство Фастов с Новым годом, чтобы этот новый год был для тебя годом бурного творчества, писательских успехов и семейного счастья.

И сейчас ещё в сердце моем живет то тепло, которое когда-то в дождливый и ветреный денек я вынес из твоего уютного дома, где мы так мило провели вечер. Я помню, с какой хорошей самоотверженностью подарил ты мне свою фотографию военного корреспондента, оторвав её от какого-то своего, должно быть очень дорогого тебе пропуска. Сейчас она висит у меня дома, на стене, в кабинете, рядом с фотографией нашего общего друга Поля [Робсона] и Никоса Белоянниса¹. Юля страшно бранила меня за то, что я отважился взять у тебя эту карточку, которая, как она понимала, и тебе самому очень дорога, как память о войне. Как солдатская жена, она знает, как я сам берегу всяческие военные игрушки, смешные памятки тяжелого и далекого прошлого.

Чтобы не остаться у тебя в долгу, я откопал дома единственную и последнюю фотографию, на которой я снят в степи под Сталинградом на аэродроме в дни великой битвы. Это как раз за несколько минут до того, как мне лететь в сам Сталинград, что по тем временам было делом довольно трудным. У меня эта карточка одна, но без сожаления её тебе посылаю, как коллеге по оружию в дни войны и дни мира.

Рэчел и Джону я посылаю книжечку, которая первый раз почему-то до них не дошла. Думаю, что колеса вашей почты слегка отогрелись «духом Женевы», лучше вернутся и, может быть, моя книжечка дойдет до твоих ребят к Новому году.

Все наше семейство желает вам встретить этот новый год хорошо, вспомните там, в Нью-Йорке, что в новогоднюю ночь, когда у вас будет уже утро, будет выпито — и не одна — большая чара за здоровье дружеского семейства Фастов, которому все Полевые — от мала до велика — желают всего, всего самого хорошего. Твой [Борис Полевой].

¹ Никос Белояннис (1912–1952) — член греческой компартии, расстрелянный по обвинению в шпионаже.

4. Б. Полевой — Г. Фасту

17 декабря 1955

Дорогой Говард,

Я уже послал после возвращения тебе два письма, а сейчас получив твое новое маленькое послание, спешу ответить. Мы уже высказывались и устно, и печатно о том впечатлении, какое произвела встреча с тобой и твоим семейством¹. Говорили об этом и по радио, и по телевидению и даже я рискнул через телевизор показать москвичам снимок твоих ребятишек. Тут должно быть у нас насчет впечатлений — полнейшая взаимность.

Еще раз желаю тебе хорошо встретить Новый год. Желаю, чтобы этот год был счастливым в семье Фастов.

Привет жене, поцелуй ребятишек. Вчера читал перевод твоей новой пьесы и много смеялся над рядом сцен. Здорово вышло!

Сердечный привет Полю и Джо². Твой [Б. Полевой].

¹ Помимо травелога «Американские дневники» Полевой издал серию статей: Письма о поездке по США // Правда. 1956. 9 января; Поездка к Лиону Фейхтвангеру // Иностранная литература. 1956. № 3; У американских земляков // Славяне. 1956, № 4.

² Возможно, речь идет о Джо Кларке (1913–1988) — американском коммунисте, московском корреспонденте *Daily Worker*. Кларк, сторонник Гейтса, покинул компартию в 1957 г.

5. Г. Фаст — Б. Полевому

20 декабря 1955

Дорогой Борис!

Ваше письмо для меня было лучшим праздничным приветствием и подарком, и я прочитал его с большой радостью. Разумеется, я возьму его домой и прочту его Бэт и детям. Думаю, вы сами почувствовали, что эти два вечера, проведенные с вами и вашими товарищами, самые приятные и самые значительные вечера в нашей жизни. Они дороги нам, и мы будем вспоминать их, они будут для нас источником силы и радости.

Ваше отношение к нашей стране замечательно. Ведь так легко впасть в состояние ненависти, горечи и ожесточения, и так трудно сохранить равновесие. Величайшее безумие, созданное капитализмом — это ненависть между народами, страх, ненависть к чужеземцу, ко всему, что хоть немного отличается от нас, к иному языку, к иному образу жизни. Потребуется много времени, пока наш много

изведавший старый мир избавится от всех своих чувств, и наконец, постигнет, что все люди — братья, но сколько бы времени для этого ни потребовалось, результат неизбежен, и я могу себе представить, как в не слишком отдаленном будущем люди будут оглядываться на нас с удивлением и не без жалости.

Думаю, вас заинтересует, что я, наконец, завершаю свой новый роман. Потребовалось очень много времени, чтобы написать эту очень маленькую книжку. Я внезапно обнаружил большую усталость оттого, что приходится писать книги, рожденные гневом, болью и борьбой. Хотелось бы хоть одну книгу написать в радости и умиротворенном настроении. Книга, которую я пишу, это повесть о женщине; впервые я пытаюсь писать от лица женщины¹. Как только получу гранки, т. е., вероятно, месяца через два, я их вам вышлю.

Бэтт и дети требуют, чтобы я разъяснил вам, вашей жене и детям, что наше письмо исходит от всей семьи. Вместе со мной они шлют вам пожелания всего лучшего к празднику. Когда сегодня утром я вышел из дому, чтобы отправиться в Нью-Йорк, увидел, что вся земля покрыта густой пеленой снега, а деревья и кусты в белых гирляндах инея. Это было очень красиво, и я представил себе пейзаж вашей страны — страны холода, снега и льда в долгие зимние месяцы.

С горячей любовью от всех нас. Искренне ваш [Говард].

¹ Fast, Howard. *The Story of Lola Gregg*. New York: Blue Heron Press, 1956. Фаст Г. История Лолы Грегг // Иностранная литература. 1956. № 11. С. 12–86.

6. Г. Фаст — Б. Полевому

January 5, 1956

Dear Boris,

I do not know how to thank you for the picture. I regard it as an act of such warmth and generosity that I shall treasure it throughout my life as one of my dearest possessions. Now it is incumbent upon me to find something as precious to me as this must be to you, which I can send along to you.

I think you will be interested to know that I have just about finished the first draft of my new novel. Bette has just read it and is terribly excited about it and has decided it is the best book I have yet written. I am sure it isn't, but it is always very nice to hear something like this, and I, of course, feel the great sense of relief that comes of getting a piece of work over with. Just as soon as copies are made of it, I will send one along to you.

Meanwhile, I hear that the Soviet Army Theater likes my play. We live on this sort of sustenance, for right at this moment here at home the frenzied prophets of the cold war are screaming louder than ever before for a new era of hatred and mistrust. It is amazing to contemplate the condition of capitalism which for 400 years solved all of its problems by declaring war and murdering millions of innocent people, and which finally reached an impasse where it can no longer indulge these outlets. Never has anything on earth experienced so much difficulty in learning a few simple acts of human decency. Anyway, we look forward with a great deal of hope to the new year.

With my vert warmest wishes to you, your wife and your children, and your colleagues, for peace and happiness. Sincerely, [Howard Fast].

Перевод¹:

Дорогой Борис,

Не знаю, как отблагодарить тебя за фотографию. Для меня этот жест свидетельствует о твоём теплом отношении ко мне и твоей щедрости. Я буду считать эту фотографию одним из самых ценных приобретений в моей жизни. Теперь я обязан найти и выслать тебе что-нибудь столь же ценное для меня, как это фото ценно для тебя.

Я думаю, тебе будет интересно узнать, что я только что закончил первый набросок моего нового романа². Бетти только что прочитала его, она невероятно взволнована и уже сказала, что это лучшая книга, которую я когда-либо написал. Я уверен, это не так, но всегда приятно слышать нечто подобное. Конечно, я испытываю огромное облегчение, поскольку закончил свою работу. Как только я напечатаю роман, сразу же вышлю его тебе.

Тем временем, я слышал, что моя пьеса понравилась Центральному театру Советской армии³. Из таких новостей мы черпаем силы, в то время как прямо сейчас у нас дома сумасшедшие апологеты холодной войны кричат громче, чем когда-либо, приветствуя новый виток ненависти и недоверия. Удивительно наблюдать, как при капитализме в течение 400 лет все проблемы решались объявлением войны и убийством миллионов невинных людей. Наконец мы зашли в тупик, и эти способы больше не могут быть использованы. Никто и никогда на земле не усваивал с таким трудом простые нормы человеческой порядочности. В любом случае, мы с большой надеждой смотрим в новый год.

С самыми теплыми пожеланиями тебе, твоей жене, вашим детям и вашим коллегам. Мира и счастья. Искренне твой, [Говард Фаст].

¹Перевод с англ. мой.

²«История Лолы Грегг».

³Пьеса Фаста «Генерал Вашингтон и колдун». В пьесе Вашингтон показан накануне переправы через Делавэр — поворотного события в войне за Независимость США. Вторая часть драмы — сон Вашингтона, в которой он перемещается в будущее и предстает перед Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности. Фаст был заинтересован в постановке пьесы в СССР, обращаясь к главному режиссеру Центрального театра Красной армии (1938–1958) А.П. Попову: «Не могу сказать Вам, какую радость и волнение я испытал, получив известие, что Вы собираетесь ставить “Генерала Вашингтона и колдуна” в Вашем театре. Вы, конечно, поймете меня, что Театр Советской Армии начинает приобретать для меня особое и важное значение. Как и многие из моих коллег, которые пишут пьесы, здесь, в Америке, я — драматург без театра в своей стране» (Г. Фаст — А. Попову. 9 января 1956 г. РГАЛИ. Ф. 2417. Оп. 1. Ед. 725. Л. 3). Тем не менее большой сценической судьбы пьеса не имела, поскольку ее автор вышел из компартии со скандалом.

7. Б. Полевой — Г. Фасту

[январь 1956]

Дорогой Говард!

Очень, очень был рад снова получить твое письмо, снова услышать твой мужественный голос, доносящийся из-за океана. Я все еще нахожусь под впечатлением нашей встречи и нашей поездки, так как сейчас вскоре начинаю публиковать свои американские дневники в одном из наших толстых журналов¹. Почему дневники? — может быть, спросишь ты. И вероятно, подумаешь — это ведь не боевая литературская форма. А мне думается, что так будет правильнее. Находясь у вас, путешествуя по вашей стране, встречаясь со множеством самых разнообразных людей, я действительно изо дня в день делал самые подробные записи поездки. Это у меня еще привычка, оставшаяся с фронтовых времен.

Когда я приехал домой, друзья-литераторы стали просить издать книгу о поездке². Но какая это может быть книга, когда мы у вас пробыли всего 33 дня? Вот я и решил без лишних слов, слегка подправив, опубликовать то, что я записал во время поездки. Опубликовать объективный взгляд на виденное. Ты говоришь о том, что мастера холодной войны снова раздувают этот отвратительный костер. Я об этом хорошо знаю, ибо имею возможность систематически знакомиться с вашей прессой.

Но ведь если собака лает на человека, то это не значит, что человек тоже должен становиться на четвереньки и лаять на собаку. Наоборот, я хочу спокойно написать о том, что нам понравилось и что не понравилось в Америке, написать о многих хороших интересных людях, которые дружески встречали нас, с которыми мы разговаривали откровенно о проблемах войны и мира, и среди которых мы ни разу не встретили ни человека, желающего вести переговоры, показывая из кармана атомную бомбу, ни яростных сторонников пресловутой «политики силы».

Страшно рад за тебя, дорогой друг, что ты закончил новый роман и что ты доволен этим. Роман твой прошел уже высшую оценку, ибо если Бетти похвалила его, то это уже половина успеха, так как жены наши с тобой, как мне кажется, по характеру довольно сходны, относятся к своим мужьям весьма критически и уж скорее перебранят, чем перехватят. Передай своему высшему критику от меня самый сердечный привет и уверенность в том, что наши мнения на твой роман совпадут. А теперь, поскольку он написан, буду с нетерпением ждать книги с автографом и возьмусь устроить его в один из лучших наших журналов.

Пьесу я тоже прочитал в переводе. Очень интересно и оригинально! Я не знал, что у тебя такое чувство юмора, ибо сам являясь по натуре своей человеком мрачного характера, я и в других предполагаю всегда отсутствие юмора. Думаю, что спектакль удастся, так как пьеса попала в очень талантливый театр, где сейчас идет и инсценировка моего романа³. Ставят ее сейчас что-то больше пятидесяти театров⁴, но эта одна из лучших инсценировок, во всяком случае, так мне кажется.

С одним из писем я послал для Рэчел второй раз свою книжечку рассказов «На берегу нового моря»⁵. По моим расчетам, она давно уже должна была бы быть у тебя. Очень жаль, если даже для такой безобидной литературы поставлены где-то у вас там плотины.

Все мои товарищи очень тепло написали о знакомстве и встрече вами⁶. У меня в дневнике это тоже займет порядочное место. Буду рад, если твой высший критик Бетти это также одобрит и простит мне некоторые идеалистические ошибки, которые мой критик — Юля нашла в этой главе.

Крепко тебя обнимаю, дорогой друг, с твоего разрешения обнимаю и Бетти, а ребят целую. Твой [Борис Полевой].

¹ Полевой Б. Американские дневники // Октябрь. 1956. № 2–4.

² Изначально члены делегации планировали выпустить коллективную книгу

«о путешествии по Америке, которая могла бы быть издана и в США, что, конечно, не исключает того, что кто-нибудь из ездивших сам напишет со временем книгу». Для осуществления этого намерения журналисты просили ЦК «санкционировать для членов делегации творческий отпуск, хотя бы на 3–4 недели, который они могли бы целиком посвятить написанию книги об Америке» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Ед. 734).

³ В октябре 1955 г. на Малой сцене Центрального театра Красной армии был поставлен спектакль «Настоящий человек». Рецензент Е. Полякова отмечала, что роли в пьесе достались молодым актерам. Это, однако, не означало, что режиссеры Б. Львов и В. Белявский отнеслись к спектаклю, как к «проходной, второстепенной постановке. Наоборот, руководители театра сознательно, обдуманно пошли на создание такого простого, “молодежного” спектакля» (Полякова Е. Простота и мужество // Советская культура. 1955. 1 октября).

⁴ «Настоящий человек» шел в Дзержинском театре им. XXX-летия Ленинского комсомола (1954), Горьковском государственном театре драмы им. Горького (1955), Калининском драматическом театре (1955), Томском драматическом театре (1955), Казанском театре юных зрителей (1958), Ярославском драматическом театре им. Ф.Г. Волкова (1958).

⁵ Polevoi, Boris. *Shores of a New Sea*. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1955.

⁶ В своих травелогах А. Аджубей и Н. Грибачев лишь вскользь упоминали о Фасте, рассказывая о позитивном впечатлении, которое писатель произвел на них: «Подвижный, энергичный, совсем еще молодой человек, Фаст шутил, смеялся, рассказывал о своей работе, о своих планах так, как будто и он час тому назад тоже виделся с нами» (Аджубей А. Серебряная кошка. М.: Молодая гвардия, 1956. С. 125). Впоследствии Н. Грибачев, чей травелог переиздавался несколько раз, снабдил второе издание книги уточняющей сноской, в которой он «с глубоким прискорбием» сообщил о выходе Фаста из компартии: «Фаст раскрылся в существо оборотня и занялся профессиональной клеветой на Советскую страну и советских людей. Что ж, перебежчики всегда выслуживаются на другой стороне, но их усердие редко не вызывает чувства брезгливости, и они никогда не уходят от морального возмездия. Уверен, что Фаста ожидает обычная судьба ренегата и отщепенца» (Грибачев Н. Путешествия. М.: Молодая гвардия, 1958. С. 90).

8. Б. Полевой — Г. Фасту

[февраль 1956]

Дорогой Говард!

Весь союз писателей в панике от твоего последнего письма. Понимаешь, когда твое письмо, в котором ты просил медицинского совета по поводу своей болезни, пришло, я был не в Москве¹. Поскольку на это письмо нужно было ответить незамедлительно, мои и твои друзья связались с проф. Г.Н. Кассилем², крупнейшим специалистом в этой области. Он направил свое заключение тебе.

Я не представляю, что случилось с письмом профессора, да это сейчас и не важно. В любом случае, мы добыли его копию — ее

я высылаю отдельным письмом. Я искренне надеюсь, что мы сможем помочь избавиться тебе от этих мучительных головных болей.

Отмечу, проф. Кассиль считает, что ты попал в компетентные руки проф. Вулфа, твоего терапевта. Тем не менее, он будет рад сделать все возможное, чтобы помочь тебе, если ты вышлешь дополнительную информацию о твоей болезни и анализах. Это необходимо для консилиума профессоров.

Между прочим, ты можешь удивиться, но моя роль как посредника в этом деле достаточно велика. Поскольку мне посчастливилось встретиться с тобой относительно недавно, я обладаю экспертной информацией если не о состоянии твоих легких и печени, то хотя бы о твоих условиях проживания, рабочих привычек и т. д. и безусловно, о твоих книгах. Должен сказать, что наше медицинское сообщество проявило ко всему этому более, чем узкопрофессиональный интерес. Все они любят книги и являются большими почитателями твоего творчества. Мне пришлось вновь рассказать о нашем визите к тебе, о твоей жене и детях, а также о других подробностях твоего быта несколько раз — и все ради многочисленных поклонников Фаста среди врачей.

Они бы с удовольствием «взяли тебя в оборот», как говорят американцы. Я, безусловно, подтверждаю это предположение. Будучи сыном доктора, я, естественно, не верю в медицину, но если бы ты был здесь, то я бы проверил лекарственные свойства одного из самых старых и эффективных средств — *spiritus vini*. В любом случае, было бы приятно предвкушать такую встречу.

Руководствуясь «духом Женевы», наши медики попросили выслать тебе экземпляр журнала «Клиническая медицина», в котором описана эффективная методика лечения твоей болезни. Они рекомендуют ее опробовать, конечно, при условии, что твои доктора дадут согласие и одобрение. Все они едины во мнении, что лучшим решением было бы приехать к нам вместе с женой и детьми.

Первая часть моих «Американских дневников» уже опубликована в «Октябре». Вторая часть скоро выйдет в печати, а публикация третьей запланирована в начале апреля. Как только все три части будут напечатаны, я вышлю их тебе, чтобы ты поделился своим мнением.

С лучшими пожеланиями Бетти и Джо. Передавай привет детям от московского дяди Бори. Твой, [Б. Полевой].

¹ В письме Б. Полевому от 5 октября 1955 г. Фаст жаловался на приступы

острой головной боли. Он просил показать клиническое описание его болезни советским специалистам в надежде, что они смогут порекомендовать правильное лечение.

² Григорий Наумович Кассиль (1902–1986) — советский физиолог, доктор медицинских наук. Автор научно-популярных книг о лечении боли. См.: *Кассиль Г.Н.* Победа над болью. М.: Госкультпросветиздат, 1950; *Кассиль Г.Н.* Боль и обезболивание. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960.

9. Г. Фаст — Б. Полевому

14 марта 1956

Дорогой Борис,

После твоего последнего письма я пришел к заключению, что самому духу социализма враждебны болезни любого рода. К твоему совету воспользоваться всемогущими целебными свойствами доброй крепкой водки я отношусь с должным вниманием. Беда в том, что эта проклятая болезнь не дает мне за последние пять лет выпить ни глотка. Так что прежде всего надо расправиться с ней, а потом начать принимать это лекарство.

Письмо от профессора Кассиля только что получено. Я бесконечно благодарен вам всем за заботу, внимание и большое беспокойство, с которыми вы отнеслись к моей просьбе. Мы с Бетти тронуты все этим до слез.

Сообщение профессора Кассиля произвело на меня также огромное впечатление, как документ весьма характерный для состояния советской медицины. Я уже обсуждал его с нашим домашним врачом, очень опытным и знающим человеком. Он сказал, что ионизация, которую рекомендует профессор Кассиль, неизвестна рядовым практикующим врачам, хотя ее могут применять специалисты. Есть еще ряд процедур, таких как исследование содержания гистамина в крови, которые здесь у нас совершенно неизвестны.

Осведомленность профессора Кассиля в этой области и авторитетность, с которой он говорит об этом исключительно редком заболевании, вызывает чувство глубокого восхищения; и врач, к которому я обратился по этому поводу, хотя он и является другом Советского Союза, сказал мне, что он должен с еще более высоких позиций определить свое отношение к советской медицине.

Можешь передать также доктору Кассилю, что ни один из американских специалистов, даже самые большие светила из невро-

логического института не могли прийти до предположения о болеутоляющем действии кислорода. Наши врачи восприняли исследования проф. Кассиля как небольшое чудо.

Так обстоят дела. Не знаю, удастся ли провести здесь этот курс лечения и поможет ли он мне избавиться от болезни. Это вопрос другого рода.

Разумеется, мне следовало бы приехать в Москву для настоящего лечения, но теперь об этом не приходится даже мечтать. Представь себе, что это означало публичное признание в беспорном превосходстве советской медицины. Кроме того, они не допустят никаких прецедентов с получением паспортов.

Как бы там ни было, ты можешь передать проф. Кассилю, что в самые ближайшие дни я напишу ему лично, немедленно и после того, как проконсультирую этот вопрос с другими врачами-специалистами. Завтра с его заключением познакомится невропатолог, а потом специальный диагност и после этого я, конечно, сразу же напишу ответное письмо лично проф. Кассилю.

Как я могу выразить свою признательность тебе и проф. Кассилю? Право, не знаю. Примите мою самую большую сердечную благодарность.

Комитет трудящихся по подготовке празднования 1 Мая оказал мне честь, избрав меня своим председателем. Мы с головой ушли в приготовления, и я, как котенок, охвачен беспокойством о том, как это все будет происходить; в таком состоянии я буду пребывать ближайшие полтора месяца. Скажи, ты когда-нибудь встречал по-настоящему храброго человека, который не испытывает смертельного страха всякий раз, когда предпринимает что-нибудь, связанное даже с небольшой опасностью? Оглядываясь на последние 20 лет, я пришел к выводу, что субъективно храбрость состоит в том, что человек вынужден совершать то, что неизбежно предстоит совершить и что вопрос — насколько храбр человек, сводится обычно к тому, в какой мере ему удастся выйти с честью из обстоятельств, в которые он попал. Во всяком случае такие мысли пришли ко мне сегодня в серый и унылый день запоздалой весны. К тому же это понедельник, а это никогда не улучшает настроения.

Бетти и я читаем маленькую книгу твоих рассказов, которую мы только что получили¹. Мы читаем ее, лежа в постели друг другу и по отдельности, вслух и про себя. Рассказы чудесные и, поверь мне, ты прирожденный рассказчик в духе лучших старинных традиций.

Однако, в случае с парнем, который переплавлялся по тросу через реку, непонятно, почему, черт возьми, ваши инженеры не могли соорудить какого-нибудь приспособления вроде крюка и блока с канатом, так чтобы этот парень мог добраться до места аварии без угрозы сломать себе шею. Я понимаю, что это уменьшило бы драматизм рассказа, но это было бы более оправдано. Я не собираюсь критиковать тебя, а попросту проявляю любопытство. Я поддерживаю связь с Изаковым; он ждет от меня гранки моей новой книги. Это история женщины, о которой я тебе уже говорил. Я очень хотел бы знать твое мнение об этой книге. Попроси Изакова известить тебя, когда он получит ее.

Все семейство Фастов шлет тебе свою любовь и самые сердечные дружеские пожелания. Не могу передать, как мы скучаем о тебе и будем скучать до тех пор, пока не свершится чудо и мы не получим выездных паспортов. Но судя по тому, как здесь обстоят дела, до этого чуда все еще очень далеко...

С любовью от всех, искренне [Говард Фаст].

¹См. примеч. 5 к письму 7.

10. Г. Фаст — Б. Полевому

28 марта 1956

Дорогой Борис,

Твое письмо, видимо, разминулись с моим на неделю, и я ждал, когда же наступит более спокойный момент, чтобы ответить на него. Однако вчера Федеральное правительство захватило «Дейли Уоркер» и учреждения этой газеты, а также учреждения коммунистической партии по всей Америке. Мирная передышка, которой мы так ждали, отодвинулась на неопределенное время — такова политика лидера «свободного мира», таков пример в борьбе за демократию среди других наций.

Я не знаю, осознаешь ли ты, насколько чудовищно и беспрецедентно событие такого рода, произошедшее в Америке. Никогда в истории Соединенных Штатов не закрывали газету при таких обстоятельствах. Это чисто фашистские методы, ничем не прикрытые и беззастенчивые¹.

Несмотря на все, через день после захвата, газета «Дейли Уоркер» вышла из печати. Получила ли она распространение в городе — я еще не знаю, но к концу дня мы будем это знать. Как бы там ни было,

мы выпустили ее, и сам по себе этот факт является триумфом. Что произойдет дальше — ты можешь догадываться так же, как и я.

Искренне, [Говард Фаст].

¹ Рейды в редакцию *Daily Worker* вызвали волну протестов среди буржуазных издательств. В автобиографической книге «Как я был красным» Фаст вспоминал: «Американская пресса, которая ежедневно клеветала на нас и лгала, стала бороться за то, чтобы на нашу газету не закрыли». О солидарности, проявленной в адрес *Daily Worker*, свидетельствует решение *New York Times* выделить газетную бумагу из своих собственных запасов — в тот момент контролирующее правительство органы изъяли всю технику и средства производства *Daily Worker*, поэтому очередной выпуск газеты мог не выйти в печать, если бы не вовремя оказанная помощь. См.: Fast, Howard. *Being Red: A Memoir*. Boston, MA: Houghton Mifflin. 1990: 348.

11. Б. Полевой — Г. Фасту

[апрель 1956]

Мой дорогой, дорогой Говард!

Я только что вернулся из Италии, из Венеции, где был на заседании Европейского общества культуры¹. Поэтому оба твоих письма прочитал разом и, честно говоря, они меня потрясли.

На Европейском обществе культуры, где собрались виднейшие из писателей, философы, искусствоведы, священники, люди самых разнообразных и часто диаметрально противоположных убеждений, мы в течение всех этих дней вели откровенную и, я бы сказал, не боясь ввести в излишний энтузиазм, — дружескую беседу. Мы сидели за круглым столом, и как раз против меня сидел, вероятно, хорошо известный тебе, британский публицист — Стефан Спендер², человек давно уже известный своими антикоммунистическими взглядами. И все-таки из всей беседы о настоящем и будущем европейской культуры мы находили общий язык, и резолюции были приняты единогласно.

Просто на глазах будет видно, как тает ледяная стена, разделившая за последние годы Восток и Запад. Это, конечно, очень радовало, потому что интеллигенция больше, чем какая-либо другая социальная прослойка, сознает, что земной шар не арбуз, что его нельзя разрезать на две части, а поскольку это так, надо научиться сосуществовать, говорить друг с другом и понимать друг друга.

И вот после этой теплой атмосферы в Венеции — твои письма. Тут без меня друзья еще раз говорили с профессором Кассилем по поводу твоей болезни, и он говорит, если бы ты мог приехать сюда

к нам, хотя бы на месяц или два. А тут такая вещь! И все-таки, дорогой Говард и Бетти, я верю в лучшее, верю, что рано или поздно эта могучая, как естественный магнит, тяга к взаимопониманию, которую мы с каждым днем все больше и больше ощущаем в Европе, которая оказывается сильнее границ и даже социальных систем, что эта тяга, живущая в народах, в конце концов, оздоровит атмосферу и за океаном, и вы тоже вдохнете того освежающего ветерка, который у нас именуется «духом Женевы».

Гостя у вас, я познакомился с многими американцам. За тридцать три дня народа, конечно, не узнаешь, но, ей богу, сдается мне, что люди, с которыми мы встречались, люди очень разные, все каждый по-своему тянулись к миру, к взаимопониманию, и все, несмотря ни на что, в той или другой форме проявляли отвращение к нетерпимости, которая, увы! — еще очень чувствуется у нас.

Дорогой Говард, я еще раз восхищен твоим мужеством. Крепко обнимаю тебя, старый, добрый друг, жму твою руку. С нетерпением буду ждать новых твоих произведений. Нетерпение это разделяют, по крайней мере, девяносто миллионов людей. Я же лично буду с волнением следить за печатью, ожидая первомайских дней. Юля просит приписать, что она дружески обнимает Бетти, что хотела бы вместе с ребятами видеть ее своим гостем и блеснуть перед вами умением приготовить такие русские кушанья, названия которых вы даже и не слышали.

Профессор Григорий Наумович Кассиль тоже просил передать тебе большой привет и сказать тебе, что он бы очень хотел употребить на лечение твоего недуга все самое лучшее, что он накопил за долгую медицинскую практику.

На днях выходит третья книжка журнала «Октябрь» с моими «Американскими дневниками», все три пошлю тебе на суд и после этого буду с трепетом ждать, когда ты выругаешь старого сентиментального дурака Полевого за описание посещения твоей квартиры.

Крепкое рукопожатие Бетти, целую ребят. Твой [Б. Полевой]

¹ О поездке в Венецию см.: *Полевой Б.* Венеция — город тружеников // Огонек. 1956. № 26. С. 23–24.

²Стивен Спендер (1909–1995) — британский поэт, прозаик, эссеист. В 1936 г. вступил в британскую компартию, но впоследствии разочаровался в коммунизме, о чем написал эссе, вошедшее в сборник «Низверженный Бог», составленный Р. Кроссманом: *The God that Failed*. Edited by R. Crossman. New York: Bantam Books, 1949: 229–273.

12. Б. Полевой — Г. Фасту

[апрель 1956]

Дорогой Говард,

Не без некоторого трепета душевного посылаю тебе три номера ж. «Октябрь», в котором опубликованы мои американские «Дневники»¹. Они неожиданно для меня раздулись в целую довольно солидную книгу, что произошло как бы даже вопреки воле автора. Еще на пути к вам я решил для себя день за днем делать записи этой необыкновенной даже для меня, вечного бродяги, поездки. Так и писал обо всем, что на глаза попадалось, вроде, знаешь, тех степных всадников, что ездят у нас по бескрайним казахским и узбекским степям, и чтобы не заснуть в седле, напевают обо всем, что попадется им на глаза.

Что из этого получилось — не мне судить. Вот поэтому-то и буду ждать с волнением от тебя отзыва об этой работе, написанной в совершенно необыкновенной для меня манере. Впрочем, хорошо сказать — отзыв, еще большой вопрос, как ты сумеешь прочесть, ведь она на русском языке. Но я знаю, что у тебя есть друзья, говорящие по-русски, может быть, кто-нибудь из них возьмет на себя труд прочесть, а потом рассказать тебе, Бетти и ребятам о том, что я там написал. Было бы полезно прослушать от тебя и критику и советы, ибо сейчас я готовлю книжные издания «Дневников».

Ты и Бетти — действующие лица этой книги, в качестве таковых вы, разумеется, будете особо строги. Поэтому я заранее извиняюсь перед Вами за все те огрехи благоглупости, которые могли попасть в книгу из-за незнания языка, неточности перевода и еще потому, что автор ее, по независящим от него причинам, слишком уж быстро прогалопировал по вашей интересной стране.

Получил ли ты мое предыдущее письмо? Как твоё здоровье? Профессор Кассиль просил меня держать его в курсе твоих дел. Он ждет, что скажут твои врачи и сможешь ли ты осуществить предложенный им метод лечения.

Зима в этом году была у нас лихая, морозы доходили до 43 градусов. У меня в садике даже яблони пообмерзли, так что их пришлось немножко обрезать. Ну, а как твои сельскохозяйственные дела? Провел ли ты уже посевную кампанию на газоне перед своим домиком?

Крепко обнимаю тебя и Бетти, ребяташек целую. Твой, [Б. Полевой].

¹ См. примеч. 1 к письму 7.

13. Г. Фаст — Б. Полевому

May 8, 1956

Dear Boris,

We now count upon your letters as a dose of the best medicine in the world, and you have all my warmest thanks for your last one. How I envy you Venice and all the other places you have been. Sometimes I am absolutely overwhelmed with a longing to see these places that gave birth to so much of our civilizations. We always say next year, and then the years go away, and we are still landlocked in our own little place.

This of course is not without its compensations. Spring has been late this year, but finally it has come and I have been working for hours in my flower gardens. I suppose there is a dash of peasant blood still very strong, and which gains a rebirth each spring.

You will be pleased to hear that our May Day came and went without incident, Union Square was filled with sunlight, laughter, and about 5000 people. No incident occurred, but at the same time there was no evidence of the turn which we have all been expecting for so long. We are now neck-deep in a long and profound discussion concerning the material of the 20th Congress. Not an easy one this time and more painful and critical than anything in the past.

Send your good Professor Kassil my warm greetings. How I wish he could have an opportunity to try his skill upon me. In any case the tension is lessening and surely this local insanity of ours cannot go forever.

Could I raise a very delicate matter with you? I have written to Izakov about it and I thought I would also take up the question with you. I have been getting no royalties whatever from my books or plays in the Soviet Union — that is, during the past two years. I do get a payment from the Literary Gazette or one of the magazines for which I am grateful. But isn't it possible that book royalties could also be paid? I would not write to you about it if there was not a considerable need. I wrote to my publisher pointing out that the Soviet Union is not a party to the Berne Convention. I know that, but I also know that on occasion royalties have been paid both from the USSR to here, and from here to the USSR. I thought that perhaps you might be able to speak a word in the right place.

Meanwhile, may I send you our love, our warmest regards, and tell you that you are always in our thoughts and that the children constantly speak of you and wonder when they will see you again. I try to convince them that it will not be too long.

With the very warmest wishes,
Sincerely, [Howard Fast].

Перевод:¹

8 мая 1956

Дорогой Борис,

Для меня твои письма — лучшее в мире лекарство, и я искренне благодарю тебя за последнее из них. Как же я завидую тебе, побывавшему в Венеции и многих других местах. Иногда меня охватывает сильное желание увидеть все те места, в которых зародилась наша цивилизация. Мы всегда откладываем это на следующий год, но годы летят, а мы так и остаемся запертыми в своих четырех стенах.

Конечно, во всем можно найти утешение. В этом году была поздняя весна, но она наконец пришла, и я часами работаю в своем цветочном саду. Думаю, что во мне все еще сильна крестьянская кровь, и каждую весну она дает о себе знать.

Ты обрадуешься, узнав, что Первомай прошел без происшествий. Юнион Сквер был залит солнечным светом, повсюду слышался смех, ведь пришли 5000 человек. Не было никаких происшествий, ничто не предвещало переломных событий, которых так долго ждали. Мы с головой погрузились в глубокие, серьезные дискуссии, касающиеся материалов XX Съезда партии². В этот раз все намного сложнее, болезненнее и важнее, чем было когда-либо в прошлом.

Передай привет профессору Кассилю. Как жаль, что он не может опробовать свое медицинское мастерство на мне. В любом случае, международное напряжение падает, и конечно, безумие не может продолжаться бесконечно.

Могу ли я коснуться очень деликатного вопроса? Я уже писал Изакову об этом, и я думал, что также подниму этот вопрос в беседе с тобой. Последние два года мне не выплачиваются советские гонорары за мои книги и пьесы. Я получаю выплаты от «Литературной газеты» или от одного из журналов, и очень благодарен за это. Но могу ли я также получить гонорары за мои книги? Я не стал бы без острой необходимости писать тебе об этом. Я написал своему издателю, понимая, что Советский Союз не подписывал Бернскую конвенцию. Я это знаю, но я также знаю, что иногда гонорары выплачиваются как из СССР американским авторам, так и США — советским. Может, ты замолвишь об этом словечко?

Тем временем я шлю тебе нашу любовь и самые теплые пожелания. Знай, что мы всегда помним тебя, мои дети постоянно говорят о тебе, спрашивают, когда они снова с тобой увидятся. Пытаюсь их убедить в том, что это скоро произойдет.

С наилучшими пожеланиями. Искренне, [Говард Фаст].

¹ Перевод с англ. мой.

² С марта 1956 г. в *Daily Worker* начали печататься письма читателей. Их авторы придерживались кардинально противоположных точек зрения — как сталинистских, так и антисоветских. Решение Гейтса допустить до публикации письма, не подвергая их партийной цензуре, было беспрецедентным. См. “Letters from Our Readers”. *Daily Worker* (March 20–22, 27, 28, 1956). “More Letters about the Soviet Congress”. *Daily Worker* (March 29, 30, 1956) и т. д.

14. Б. Полевой — Г. Фасту

[май 1956]

Мой милый Говард!

Сегодня пришло твое письмо от 8 мая, и сегодня же на него отвечаю. Видишь, какая небывалая аккуратность! Просто сам себя не узнаю. И сам собой восхищаюсь. Прежде всего, крепко жму тебе руку, приветствую Бетти и обнимаю ребятшек. Славная у тебя семейка! Я много уже раз рассказывал в различных аудиториях о своей поездке по Соединенным Штатам, и всегда одним из самых теплых мест этих воспоминаний является знакомство с твоей семьей.

Интересно, пришли ли уже к тебе журналы с моим Дневником, и не удалось ли тебе хоть как-нибудь с ним познакомиться. Был бы очень рад услышать на этот счет твое строгое и компетентное суждение.

Профессору Кассилю твой очередной привет передан, и он опять поинтересовался, удастся ли что-нибудь сделать для организации лечения по его методу в Соединенных Штатах. Так что прошу тебя в следующем письме удовлетворить это его и наше любопытство.

Ты пишешь о первомайской демонстрации в Юнион-сквере. Когда по Москве шагали первомайские колонны, — а праздник в этом году у нас на редкость удался, был очень веселым, и по-настоящему жизнерадостным, мы с Юлей думали о том, что происходит в эти минуты на другом конце земного шара, думали о тебе. Сейчас я зачитал Юленьке по телефону выдержку из твоего письма, и оба мы тебя поздравляем с удачей твоей первомайской миссии. Оказывается, ты

не только прекрасный писатель, но и могучий, прямо-таки титанический организатор, с чем я тебя и поздравляю, ибо сам я организатор совершенно бездарный, и моя организаторская деятельность служит лишь для того, чтобы друзья мои рассказывали потом о ней разные анекдоты.

Теперь о твоей просьбе. Борис Изаков оказался очень обязательным человеком, он уже мне перевел ее, и мы оба вместе выступали перед твоими издателями с соответствующим ходатайством. Пока еще конкретного сообщить тебе ничего не могу, но так как я по натуре оптимист и верю во все лучшее на земле, и почему-то предчувствую, что в следующем письме смогу тебя чем-нибудь порадовать.

Получив письмо из Нью-Йорка от г-на Эдвина С. Смита, который сообщил мне, что к нам вскоре приезжает г-н Элиот Макрай, главный редактор издательства «Е. Падеттон энд компани»¹. Г-н Смит пишет, что передал ему право на издание «Американских дневников». Я, разумеется, не возражаю, чтобы они вышли в США, тем более, что господин Смит представляет в А/О «Межкнига»² в США. Мне хотелось бы только узнать у тебя, что это за издательство, и посоветоваться о том, правильно ли сделала «Межкнига», передав ему мои рукописи, и стоит ли издаваться в этом издательстве.

Ты очень вкусно написал о том, как ты вместе с семейством трудишься в своем садике. К сожалению, в последние недели дела мои складываются таким образом, что я не имел возможности вырваться к себе на дачу вот уже около двух недель, и, как говорят мне мои близкие, из-за этого клубника у меня там заросла сорняками по пояс и семейство мое останется без урожая.

В июне мы с Юленькой решили совершить небольшое путешествие вокруг Европы с заездом в Скандинавию, во Францию, в Италию, в Грецию, в Египет, и, может быть, и в Турцию. Дух Женевы, что там ни говори, хоть его и стараются кое-где похоронить, уже растопил барьеры, воздвигнутые холодной войной. Сейчас у нас в Москве полно иностранцев разных национальностей, в частности и твоих соотечественников, и мы, советские люди, получили, наконец, возможность довольно свободно получить иностранные визы.

Крепко обнимаю в твоём лице одновременно славного романиста, великого организатора, могучего садовода, последователя Бербенка и Мичурина, целую руку Бетти и мысленно шлепаю по попкам ребят. Твой [Б. Полевой].

¹Эллиот Макрай прибыл в СССР в мае 1956 г., чтобы убедить Хрущева написать автобиографию. Все попытки связаться с советским лидером через посредников не привели к желаемому результату, и Макрай был вынужден вернуться в Штаты. См. Kalb, Marvin L. "The Birth of Victory." *Saturday Review* (27 February, 1960): 21. Интерес к советской литературе Макрая не угасал, и в 1957 г. он подписал контракт с В.Д. Дудинцевым, который согласился разрешить "E.P. Dutton & Co" выпустить его роман «Не хлебом единым» в США. В 1958 г. издательство купило эксклюзивные права на продажу в США военной переписки Сталина, которая вышла в печати годом раньше. См. *Correspondence between the Chairman of the Council of Ministers of the U.S.S.R. and the Presidents of the U.S.A. and the Prime Ministers of Great Britain during the Great Patriotic War of 1941–1945*. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1957. В 1959 г. после триумфального турне Хрущева по США "E.P. Dutton & Co" напечатало собрание речей, выступлений и интервью советского лидера. См. Khrushchev, Nikita. *For Victory in Peaceful Competition with Capitalism*. New York: E.P. Dutton & Co, 1960.

²Межкнига — агентство, обладавшее государственной монополией на экспортно-импортные торговые операции с литературной продукцией. В ходе личной встречи Полевого и Фаста, последний отмечал неудовлетворительную работу агентства: «"Межкнига" не умеет рекламировать предлагаемые ею к изданию книги. Она посылает куцые списки с ничего не говорящими заглавиями». В ходе поездки по Штатам делегация Полевого убедилась, что «Межкнига» игнорировала запросы американских библиотек, «либо вовсе на них не отвечая, либо отвечая сухо, казенно» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Ед. 734).

15. Г. Фаст — Б. Полевому

5 июня 1956

Дорогой Борис,

Я полагаю, что ко мне пришли два номера журнала «Октябрь» из Москвы и, возможно, в них содержится материал, о котором вы пишете. Я пишу «полагаю», потому что русский алфавит лишь вводит меня в смущение, и, хотя у меня действительно есть друзья, читающие по-русски, они столь же ревниво оберегают свои таланты, как скупец свои капиталы. Заставить их прочесть мне что-нибудь или хотя бы бегло перевести — дело чрезвычайно сложное. Я сделаю, впрочем, все, что в моих силах.

Будучи человеком в меру эгоистичным, я люблю читать то, что пишут обо мне, особенно друзья, ибо тогда становится утешительным сделать то, о чем Роберт Бернс говорит с безнадежностью, когда просит о даре видеть себя такими, какими нас видят другие. Когда выйдет Ваша книга, непременно пришлите ее мне.

Я получил ваше последнее письмо и, кажется, ответил на него. Вероятно, теперь уже у вас есть мой ответ. Вы должны сказать проф. Кассилю, что его метод лечения не может быть проведен здесь. Я бли-

зок к тому, чтобы прийти в полное отчаяние по поводу излечения и начинаю убеждаться, что это в очень большой мере результат прошедших 11 лет непрерывного напряжения. Поль Робсон в настоящее время очень болен болезнью, которая — тоже результат этого. Бедняга находится в состоянии жесточайшей депрессии, в итоге бешеной травли в течение стольких лет¹. Реакция художника на этот систематический подрыв его творческих способностей всегда очень горестна и ведет к ужасным последствиям. Семья Поля очень тяжело переживает это и не оглашает публично ни слова об этом, так что считайте, что эти сведения переданы вам в строжайшей тайне.

Как и у вас, наша зима была самой холодной за многие годы, а сейчас дождь льет без конца вот уже много недель подряд. Весна по изобилию исключительная, все растет чудесно, просто неистово. Эта чудесная щедрость жизни утешает меня сильно. Тем не менее вся эта ситуация в целом оказывает свое влияние.

Возможно, вы уже получили экземпляр моей новой повести, который я вам послал. Она называется «История Лолы Грегг», и мои друзья считают ее моей самой важной книгой за прошедшее десятилетие. Вряд ли вы сумеете ее прочесть, т. е. я имею в виду, вряд ли перевод ее будет сделан так быстро. Мне очень бы хотелось услышать ваше мнение.

Пока хватит, наилучшие пожелания и самый горячий привет. Искренне [Говард Фаст].

¹ С 1956 г. Пол Робсон страдал от депрессии. В 1961 г., находясь в Москве, он совершил попытку самоубийства. Как утверждали московские врачи, Робсон пошел на этот шаг, находясь в депрессии, которая к тому же сопровождалась атеросклерозом. По другим сведениям, покончить с собой Робсон решил после встречи с «непрощенными гостями», заявившимися к нему в номер гостиницы и умолявшими его посодействовать в освобождении заключенных родственников. См.: Lubasch, Arnold. H. *Robeson: An American Ballad*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2015: 183.

16. Г. Фаст — Б. Полевому

19 июня 1956

Дорогой Борис,

Прежде всего я хочу ответить на вопрос о твоих «Американских дневниках». «Даттен и К-о» — одно из наших крупных частных коммерческих издательств. Оно не лучше и не хуже любых других буржуазных издателей, а поскольку в данное время в Америке нет ни-

чего кроме буржуазных издателей, это превосходно, что оно выражает желание издать «Американские дневники». Больше того, это просто волнующий факт и значит гораздо больше, поскольку он свидетельствует о смягчении напряжения больше, чем значило бы их издание каким-нибудь прогрессивным издательством. Можешь быть спокоен и в том смысле, что они очень скрупулезны в переводе и в издании. Во многом можно упрекнуть американских частных издателей, но я считаю долгом признать за ними такого рода уважение к написанному слову.

Подозреваю, что журналы с «Американскими дневниками» мною получены. Могу лишь скорбеть о грандиозном невежестве, моем собственном и моих ближайших друзей. Мы не умеем даже распознавать ваши буквы, так что я сложил их в ожидании того момента, когда мне удастся убедить одного из друзей, читающих по-русски, поделиться своим мнением. Все это может показаться очень странным, да и вообще, вы вряд ли понимаете, в каких условиях мы сейчас находимся. После 11 лет террора и репрессий мы сейчас столкнулись с последствиями секретного доклада м-ра Хрущева, текст коего был недавно опубликован в «Нью-Йорк Таймс»¹. То, что это сделало с левым движением в Америке, даже осмыслить трудно — и здесь я, разумеется, не могу писать об этом, это — длинная история.

Что касается моих личных судеб, то издательство «Голубая цапля» приказало долго жить — его постигла судьба, общая для всех прогрессивных издательств Америки. Сейчас распродаю все, что можно, чтобы расплатиться с долгами. В свое время я их наделал среди друзей, так что с каждым из них нужно расплатиться. Но мои беды, конечно, лишь малая часть гораздо более серьезных кризисов, более или менее схожих с теми, что происходит повсюду. Вряд ли в такой момент о чем-либо можно думать с легким сердцем. Может быть, через несколько недель или месяцев перспективы на будущее прояснятся, но вы непременно должны понять, как изолировано и как истерзано гонениями все левое в Америке, чтобы понять позиции, какие мы сейчас занимаем.

Любопытно, что в такое время как сейчас крестьянская кровь, унаследованная мной издавна, дает себя знать. На протяжении последних недель великим утешением мне служат цветы и дети, это звучит очень сентиментально, но тем не менее это правда. Я вырастил лучшие розы на всю округу, а также достиг заметных успехов и с другими растениями. Лучшего ничего о себе сообщить не могу.

Моя собственная книга «История Лолы Грегг» наталкивается на почти невыносимые трудности в смысле распространения. Было время, когда мы могли довольно успешно распространять свои книги, но, кажется, и это отошло в прошлое.

Я хорошо понимаю, какое это мрачное письмо с точки зрения человека такого жизнерадостного и оптимистичного, как ты. Может быть, в следующий раз оно будет лучше. Как бы то ни было, мы бережно храним в памяти наши короткие встречи.

С горячим приветом [Говард Фаст].

¹⁴“Text of Speech on Stalin by Khrushchev as Released by the State Department”. *New York Times* (June 5, 1956).

17. Б. Полевой — Г. Фасту

24 июля 1956

Мой дорогой Говард!

Извини меня великодушно за то, что я не сразу ответил на два твои письма. Как говорят юристы, я, несомненно, виноват, но заслуживаю снисхождения, и вот по какой причине. За последние полтора месяца мы с Юлей предприняли большую поездку по Европе. Были в Болгарии, в Греции, Италии, Франции, Голландии, Швеции, и, хотя двигались мы буквально, как говаривал Маяковский, «галопом по Европам», однако тем не менее встретили много друзей, познакомились со многими интересными писателями. А твои письма тем временем лежали у нас в Иностранной комиссии.

Спешу ответить.

Во-первых, очень жалею, что ты лишен возможности ознакомиться с «Американскими дневниками», ибо твоя придирчивая критика и твой умный совет были бы мне совершенно необходимы. Но нечто подобное переживал и я в отношении твоей книги, которую ты мне когда-то прислал. Лежит книга, по-видимому, очень интересная, ибо я привык к тому, что ее автор пишет здорово и всегда новое. Я могу книгу пощупать, полистать, понюхать, а прочесть не могу. Едва дождался, когда в одном из издательств сделали подстрочник.

Мне очень жаль, что такая драматическая судьба постигла твою «Голубую цаплю». Чудесная поэтическая птица, она как бы носила над вашим континентом биение пульса большой настоящей демократической Америки. Ну, что ж, соблезнованиями дела не поправишь.

Но если бы я в меру своих сил мог бы помочь тебе чем-нибудь лично, считай, что я это обязан сделать.

Твой последний роман пользуется у нас все большим и большим успехом. Успех его нарастает со стремительностью снежка, сорвавшегося с вершины горы и несущегося в долину. Очень, очень рады мы с Юлей за тебя, ибо когда читали книжку в гранках, она нам обоим, как я тебе уже писал, очень понравилась. Очень тебя прошу, пришли, пожалуйста, мне «Историю Лолы Грег» с персональной надписью — на память. Обещаю тебе найти возможность с ней познакомиться. В путешествии же я слышал от различных европейских друзей, в частности от Луи Арагона, от Альберта Моравиа, людей, как ты знаешь, очень разных — хорошие отзывы об этой книге, а мой старый друг Эльза Триоле сказала¹ — книга сделана так тонко, что, если бы не было подписи, ничто бы не убедило меня, что это написано не женщиной.

Старик, я знаю, я чувствую, какие тяжелые удары нанесла тебе судьба в последнее время. В свое время были и в моей жизни периоды, когда и на мою голову падало не меньшее количество шишек. Но я, как ты справедливо пишешь, являюсь оптимистом. А ведь и ты, честное слово, если бы, оторвавшись на два дня от слишком болезненного для тебя краха прогрессивного издательства и других вещей, подумаешь над своим творчеством, своей жизнью, над всем, что вышло из-под твоего пера, ты же ведь тоже оптимист, черт тебя побери! Так нечего вешать нос. Я просто умираю от зависти, узнавая о новых и новых произведениях, выходящих из-под твоего пера. Только здоровый и мужественный человек может так работать и давать к тому же такие замечательные книги.

Не знаю, на все ли я в твоих двух письмах ответил. Вероятно, нет. Ответил на то, что прежде всего бросилось в глаза и взволновало. Возможно, на днях напишу второе письмо вдогонку.

Что же касается того, что ты ищешь успокоения в своем садике, копаясь в земле, то могу тебе сказать, что чудным этим делом и я занимаюсь со вчерашнего дня. Мы с Юлей бросили поскорее чемоданы, оклеенные марками иностранных отелей, сунули в шкаф всякие представительские костюмы и помчались в деревню к ребятам, где Юля и сейчас еще копается в земле. У нас в этом году очень хорошее лето с точки зрения сельского хозяйства — ожидаются гигантские урожаи. Но это на полях. Садик же за время нашего отсутствия так зарос огромными сорняками, что их хочется не выдирать, а топором рубить.

Очень хотелось бы мне увидеть хотя бы на фотографии тот сорт розы, который ты вывел. С розами у нас еще ничего не получилось, а вот новый сорт яблок и новый сорт груш — у меня уже получились. Яблоки, во всяком случае, дали уже плоды. Попробуем, может быть, вкус у них будет уксусной кислоты, но зато это будет собственное.

Крепко тебя обнимаю, жму руку Бетти, целую ребят. Твой [Б. Полевой].

¹ С Л. Арагоном и его женой Э. Триоле Фаст лично встречался в Париже на Всемирном конгрессе защитников мира в 1949 г. Кроме того, Л. Арагон возглавлял международный комитет Сталинской премии, лауреатом которой Фаст стал в 1953 г.

18. Б. Полевой — Г. Фасту¹

[август 1956]

Дорогой Говард!

Я только что вернулся из дальнего Калининского колхоза, где провел последние две недели². Черт знает, сколько интересного происходит сейчас у нас в стране! Собирают урожай, какого у нас не было, наверное, лет сто, и, хотя осень дождливая, работать невероятно трудно, энтузиазм людей просто не поддается описанию. Я нарочно уехал не на просторы целинных земель, не на юг, где на сборе этого баснословного урожая сейчас уйма советских и иностранных корреспондентов. Я поехал в Тверскую глушь, туда, где земля скупая, суровая. Именно там, где природа не часто улыбается земледельцам, приятно было видеть этот небывалый энтузиазм людей, какого я не видел, может быть, с тех пор, когда наши части победного шагали в Берлин, и то, как природа щедро отблагодарила их усилия. Вернулся домой, будто на курорте побывал, хотя и сам в поездке этой много работал, но так освежающе действует вид острой и вдохновенной человеческой борьбы!

Могу тебе только сказать, дорогой Говард, что я еще никогда так много и интересно не работал, и никогда еще так легко не дышалось, как теперь — вот в эти дни всеобщего у нас подъема.

Вернулся домой, и Юля передала мне твое письмо. Честно тебе скажу, как настоящему другу: оно меня немножко смутило. Я ведь отлично знаю, как нечеловечески трудно тебе жить и работать, знаю все твои выступления последних месяцев. И я хорошо понимаю, чем вызвано небывалое для тебя и совершенно несвойственная всему твоему творчеству

некоторая нотка растерянности, которая в них звучит. Я не поклонник людей, у которых не бывает переживаний. Больше того — я не верю ни в честность, ни искренность таких людей. Как художник, художник большой и чуткий, вышедший из твоего народа и живущий со своим народом, ты, конечно, не мог оставаться равнодушным к событиям последнего времени, и тотчас откликнулся на них, откликнулся, несомненно, искренно. Но, как мне кажется, хотя я, может быть, и ошибаюсь, ты написал свои выступления под первым впечатлением, несколько сгоряча, не дав отстояться мыслям, возбужденным первым толчком. И получилось, что ты, как слишком горячий танкист, подставил противнику борт под обстрел. Ну тебе и сунули туда несколько снарядов, попытавшись с помощью произвольно вырванных цитат исказить и твои мысли, и твою цель, а заодно и взять твой танк в плен.

Эти люди, конечно, не достигли цели, ибо все твои друзья знают цену мелкой и пошлой спекуляции врагов мира и дружбы народов. Все мы знаем и любим нашего Фаста, прекрасного романиста, писателя-борца и настоящего парня. И никаким мелким спекулянтам не удастся нас с тобой посорить. Так ведь? Ну, а раз так, не буду больше на эту тему распространяться, а пробоины, куда тебе вlepили пару-тройку снарядов, когда ты зазевался, ты уж сам заделаешь. И это тебе говорит не какой-нибудь безусый энтузиаст, а старый солдат, много и тяжело повоевавший.

Как бы хотелось, дорогой Говард, видеть тебя и Бетти у нас дома, чтобы, пока жены наши стрекотали бы о всяких женских делах и жаловались друг другу на своих мужей, мы бы с тобой за чаркой доброй русской водки много и долго потолковали, поспорили бы обо всем, что нас волнует и беспокоит. Эх, было бы хорошо! Я все-таки верю, что придет время, когда тебе наконец удастся вырваться к нам. У нас сейчас по всей стране толчется масса иностранцев — только из Америки в этом году приезжало свыше полутора тысяч туристов. Двери нашей страны широко открыты, а как чертовски жаль, что ты и Бетти все еще не можете к нам попасть! На всякий случай, считай, что у тебя в кармане лежит постоянно действующее приглашение от меня и Юлии, и как только позволят обстоятельства вы с Бетти воспользуйтесь им.

Очень меня беспокоит, что Поль не ответил на мои последние два письма. Я писал ему, что из двух пластинок, которые он мне подарил в Америке, наши радио организации сделали концерт и частенько транслируют его. Но он молчит, как воды в рот набрал. Что с ним?

Неужели опять тяжелый недуг свалил его? Может быть, ты позвонишь ему по телефону, узнаешь, передашь ему наш и лично мой привет.

Ну я, кажется, расписался слишком. Это первый признак того, что стараюсь скорее ответить. Сердечный привет Бетти от Юли и от меня, поцелуй деток от московского дяди Бори. Твой друг и почитатель [Б. Полевой].

¹ Ответ на это письмо Фаст написал 19 сентября 1956 г. Опубл.: *Петров А.* «Эх, Говард!» (История одного неотправленного письма) // Знамя. 1992. № 8. 1992: 165–167.

² О командировке в Калининский колхоз см.: *Полевой Б.* Шестой председатель. Очерк // Правда. 1956. 24 августа.

19. Б. Полевой — Г. Фасту

[сентябрь–октябрь 1956]

Дорогой Говард,

Получил твое письмо и улыбнулся по поводу того, что ты приписываешь мне дар заставлять людей улыбаться. Юля моя, наоборот, утверждает, что я мужчина мрачный и порой могу наводить на окружающих тоску. Но я очень рад, что письма мои вызывают у тебя другую противоположную реакцию и поэтому спешу переслать тебе через океан это.

Когда я читал твое последнее письмо, мой дорогой друг, мне почему-то вспомнилось самое тяжелое время обороны Сталинграда. Не знаю, смогу ли я рассказать тебе достаточно толково, что это было за время. Ты понимаешь, у самого сердца страны, там, где, пульсируя, бьется под током живой крови главная ее аорта — Волга. Острие фашистского ножа почти прикасается к этой аорте. К началу октября на отдельных участках у нас в руках только тоненькая кромочка в 500–700 м берегом, которая легко простреливается фашистами не из пушки, не из миномета, даже не из винтовки, а из самого обычного автомата. И по всей этой кромке в мерзлую землю закопались остатки героических полков. Фашисты, конечно, об этом не знали, но в этих полках оставалось порой по 50–70 штыков и рядом с кадровым стрелком в одном окопчике стояли ротный повар, фельдшер, связист, писарь, словом, все кто может держать оружие

Осенний ледостав отрезал нас от левого берега, где в леске стояли наши основные силы. Река простреливалась, на катере даже ночью не могли подвозить нам ни снарядов, ни патронов, ни, и это

было самое тяжелое, еды, ни даже газет. То, что нам сбрасывали на парашютах, в большинстве своем попадало к немцам, ведь трудно угадать на такую узенькую кромку, и поэтому дневной рацион был один сухарь и несколько сот грамм спирта. Представляешь себе, старик, что это значит? Перед тобой самая беспощадная и самая механизированная армия мира, представленная лучшими дивизиями, а у тебя последний недоумок патрон и пустое брюхо. Но эти полки, растаявшие до полусотни человек, держались и сражались так, как они не держались и не сражались в те дни, когда они были полнокровными. Мы обросли до самых глаз бородами, были черные, как черти. Повалишься спать и не знаешь — хватит ли сил встать утром или вообще удастся ли доспать до смены караулов, потому что вражеская артиллерия день и ночь с немецкой методичностью точно плугом перепахивала всю эту полоску многострадальной Земли. Тяжело! Ох, как нечеловечески тяжело было тогда. Каждый день погибал кто-то из твоих самых близких друзей. Его не хоронили, а едва присыпали землей, и он лежал, тут же, в окопах, рядом с местом, где ты сидел. Так было. И если мы выдержали, не сошли с ума, отразили все нападения и дожили до счастливого дня победы, то только потому, что неукоснительно верили в то, что там за Волгой наши друзья, что мы не смеем отдать эту кромочку земли, и что если кто-то из нас смалодушествует, дрогнет или просто зевнет и получит пулю в лоб — это будет преступлением перед родиной и народом. Мы ели свой сухарь, запивали его спиртом, разбавленным грязным, закопченным снежком и стиснув зубы ждали день за днем, борясь с головокружением, сном, побеждая истерику, всей силой воли подавляя в себе малодушие.

Родной и далекий друг, все это вспомнилось мне, когда я читал твое письмо. И ты представился мне тем самым давно не бритым, обросшим грязным волосом, закопченным солдатом, каким я сам был когда-то в дни этой битвы на Волге. Смерть, снаряд, пули — нет, это не страшно. Страшно, если ты прозеваешь, позволишь себя убить или пленить, и враг займет тот кусочек земли, который ты удерживаешь, мобилизовав всю свою волю. И сидя в этой круговой обороне, ты не один, нет. Неужели ты не чувствуешь биение сердец твоих друзей во всех странах мира, которые помнят о тебе, которые всегда с тобой. Неужели ты сомневаешься в том, что миллионы твоих читателей во всем культурном мире, твои друзья, они любят тебя, читают тебя, как читают немногих в нашу пору. Они ждут твоих следующих книг, ждут, что скажет в своей новой книге Говард Фаст.

Недавно я прочитал в гранках твой роман «История Лолы Грег». На днях первая часть его выходит в журнале «Иностранная литература»¹. Мы читали его всей семьей, и в дружной семье Полевых порой возникали ссоры из-за гранок, так как Юля все время опережала меня. Уверен, что роман этот будет принят у нас так же, как и все другие твои книги, то есть очень тепло. Уверен, что во многих странах многонациональные читатели прочтут его с тем же вниманием, как читала его наша семья. Разве имея такого читателя и в стольких странах, можно чувствовать себя одиноким?

Ты пишешь: «Лишившись возможности писать и печататься, я чувствую себя человеком, явившимся свидетелем собственной смерти, человеком, продолжающим бессмысленное существование на Земле»². Что за черт! Фаст ли это говорит? Может быть, это тот невольный стон, который когда-то в Сталинграде вырывался у нас, когда мы после тяжелого сна в блиндаже заставляли себя подняться и идти на смену в окопы. Невольный, неосмысленный, потому что через минуту человек уже снова подбирался и снова рука его крепко держала оружие. Можно ли говорить о бессмысленном существовании, имея на земном шаре столько читателей, столько доброжелательных и внимательных людей твоего творчества, столько хороших друзей.

Настоящий солдат не поражен до того момента, пока он сам не признает своего поражения, пока он жив и может бороться. Сталинградские воины были настоящими солдатами. Они выстояли и совершили чудо, хотя это и стоило колоссальных потерь. За годы нашей дружбы и переписки я хорошо узнал тебя. Все твое творчество подтверждает, что ты настоящий борец, и тебе ли говорить о поражении.

Ну вот — видишь, сколько я тебе наболтал. И по делам. Сам виноват — расковырял своим письмом старые воспоминания.

Я и мое семейство, все еще находящееся под впечатлением повторного и основательного чтения «Лолы Грег», горячо приветствуют семейство Фастов. Твой [Б. Полевой].

Вероятно, в скором времени смогу прислать тебе экземпляр журнала «Иностранная литература» с твоей «Лолой», а редактор оно-го журнала Александр Чаковский перечислит тебе гонорар.

¹ См. примеч. 1 к письму 5.

² Г. Фаст — Б. Полевому. 19 сентября 1956 г. Опул.: *Петров А.* «Эх, Говард!» С. 166.

II. ПЕРЕПИСКА Г. ФАСТА И Б. ИЗАКОВА
(март 1955 — март 1957)

1. Г. Фаст — Б. Изакову

9 March 1955

Dear Izakov,

Your letter has come to me very slowly, so I gave it my deepest attention and read it many times, each time with joy and with the deepest interest. Since it was dated December 31, 1954, it takes us back into the old times for it well could have arrived by sailing ship or pony express. In any case, it is here, and you can imagine, if you remember the letter after all this time, what great joy it gave me to read of the treatment of my work in your country. You may reflect on this when you realize that “The Passion of Sacco and Vanzetti” was not reviewed in a single bourgeois journal in all of the United States, and, indeed, was sold in many commercial bookstores from under the counter with fear and trepidation but also with sincerity and courage.

I saw Eugene briefly a few weeks ago and from him I received your most beautiful gift. What a splendid thing it is and what pleasure one received from looking at the fine painting upon its surface. My children pass it from hand to hand like a treasure, which indeed it is, and often I find one of them examining it, turning it over and over and perhaps thinking of the place where such things are made. I do thank you.

At the moment there seems little possibility that you will be able to greet me in Moscow. Like Paul Robeson, I am a house prisoner in this country and it may be a long, long time before I can leave. This is not too terrible for there is so much work to be done here and so many fight still to be fought and won, that is in the future, of course. While we fight these days, we do very little winning.

Eugene mentioned to me that perhaps you might be instrumental in seeing that some of my royalties for the sale of books in your country were forwarded here. That would be a very good thing and something I would deeply appreciate, for our need, as you may imagine, is quite great. If this could be accomplished, it should go as a draft from your bank in New York to the above address. It is very important that the bank in Russia, which dispatched the money, sends it to the correct address.

Will you take this letter as an answer to Golysheva as well as yourself? Will you embrace Boris Polevoy and Fadeev for me, and tell Polevoy that I would enjoy hearing from him? I write to him but I do not

know that my letters reach him, and I am attempting to send this one in three different ways. With such a diversity of routes, perhaps one copy of it will arrive in your mailbox one of these days. If so, I would appreciate an answer. Until then, my warmest feelings, my best wishes and hope and greetings from so many good people here who pray and fight and work for a peaceful and democratic future.

Sincerely, [Howard Fast].

Перевод:

9 марта 1955

Дорогой Изаков,

Ваше письмо дошло до меня не быстро, но я отнесся к нему с большим вниманием и перечитал несколько раз — каждый раз с большим удовольствием и глубочайшим интересом. Получив письмо от 31 декабря 1954 г., я перенесся во времена, когда почту доставляли на парусниках по морю и перекладных лошадях. В любом случае, оно здесь, и представьте себе, если вы вообще помните об этом письме по прошествии времени, как мне радостно читать о том, как мое творчество ценят в вашей стране. Просто задумайтесь: рецензии на «Подвиг Сакко и Ванцетти» не появились ни в одном буржуазном журнале во всех Штатах¹. В страхе и тревоге, но искренне и смело частные книготорговцы продавали роман «из-под полы»².

Несколько недель назад я мельком виделся с Евгением и от него получил твой прекрасный подарок. Как же он красив, и какое же это удовольствие смотреть на прекрасное изображение, нанесенное на его поверхность. Мои дети передают его друг другу, словно сокровище — и оно таковым, безусловно, является. Частенько я вижу, как один из них внимательно его осматривает, крутит в руке, и возможно, думает о том месте, где его создали. Спасибо тебе.

Сейчас возможность встретиться с тобой в Москве кажется прозрачной. Как и Пол Робсон, я нахожусь под домашним арестом в этой стране. Может пройти очень много времени, прежде чем мне позволят выехать за ее пределы. Это не так ужасно — ведь здесь мне предстоит сделать много работы. Впереди много битв и, конечно, много побед. И хотя мы много боремся, победы наши немногочисленны.

Евгений упомянул, что ты можешь посдействовать с перечислением мне гонораров за мои книги, изданные в твоей стране. Это было бы здорово, и я бы был тебе безмерно благодарен. Как ты понимаешь, мы находимся в большой нужде. Если это возможно, то чек

на оплату должен быть выслан из нью-йоркского отделения вашего банка на вышеуказанный адрес. Очень важно, чтобы русский банк, отправляющий документы, правильно указал адрес.

Это письмо — ответ не только тебе, но и Гольшевой³. Можешь ли ты обнять Бориса Полевого и Фадеева за меня и сказать Полевому, что я был бы рад получить от него весточку? Я пишу ему, но не знаю, доходят ли до него письма — поэтому я и хочу отправить это письмо тремя разными способами. По всем этим путям, может, в скором времени хоть одно письмо попадет в твой почтовый ящик. Если это случится, я буду рад получить ответ. А пока передаю тебе привет, мои наилучшие пожелания и приветы от стольких многих хороших людей, которые молятся, и борются, и работают ради мирного, демократического будущего. Искренне, [Говард Фаст].

Письма публикуются по: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3886. Письма Г. Фаста публикуются в русском переводе, сохранившемся в РГАЛИ.

¹ Fast, Howard. *The Passion of Sacco and Vanzetti, a New England Legend*. New York: Blue Heron Press, 1953. Рецензии на роман были опубликованы только в партийной прессе. См.: North, Joseph. “Legend of Grandeur. The Passion of Sacco and Vanzetti by Howard Fast.” *Masses and Mainstream*, no. 12 (1953): 58–60.

² Роман был переведен на французский, немецкий, испанский, итальянский, датский и даже японский языки. О рецепции романа в СССР см.: *Щербинина О.И.* Говард Фаст и советские писатели. Статья первая. «Рука дружбы, протянутая через океан»: 1949–1955 гг. // *Литература двух Америк. 2023. № 14. С. 293–294.*

³ Переводчик Елена Михайловна Гольшева (1906–1984), мать В.П. Гольшева, также известного переводчика. Е.М. Гольшева перевела на русский язык роман Фаста «Подвиг Сакко и Ванцетти»: *Фаст Г. Подвиг Сакко и Ванцетти* / пер. с англ. Е. Гольшевой. М.: Гослитиздат, 1954. Кроме того, в творческом тандеме с Б. Изаковым Е. Гольшева перевела «Сайласа Тимбермена»: *Фаст Г. Сайлас Тимбермен* / пер. с англ. Е. Гольшевой и Б. Изакова. М.: Иностранная литература, 1955.

2. Г. Фаст — Б. Изакову

[июнь 1956]

Дорогой Борис,

Это письмо вручит мой хороший друг и товарищ, Хаим Суллер¹, сотрудник газеты «Фрайхайт», марксистской газеты, издаваемой в Нью-Йорке на еврейском языке. Он мог не только поделиться с тобой последними новостями и событиями, происходящими здесь у нас, но и получить большое удовольствие от встречи с тобой и твоими друзьями. Ты мог бы также оказать ему большую помощь, особенно

представив его писателям и журналистам, с которыми он хотел бы встретиться. Я не стал бы обременять тебя, если бы я сам не желал ото всей души, чтобы этот человек встретился и побеседовал с тобой. Можешь быть уверен в том, что этому человеку можно доверять целиком и полностью. Это серьезный товарищ, который проявляет большой интерес к движению. Я думаю, ты будешь рад познакомиться с ним.

Прими мои лучшие пожелания. Пользуясь тем, что это письмо попадет непосредственно в твои руки, я хочу выразить глубокую привязанность к тебе и твоим товарищам. В последнее время нам приходилось нелегко, но я надеюсь, мы преодолеем все и достигнем подлинной зрелости. С самыми добрыми пожеланиями [Говард Фаст].

¹ Хаим Суллер (Chaim Suller, 1902–1998) — американский журналист белорусского происхождения. В начале Первой мировой войны эмигрировал в США. Более тридцати лет являлся редактором американской еврейской коммунистической газеты *Morgen Freiheit* (1922–1988), выходившей на идише. По возвращении из СССР летом 1956 г. выступил с серией статей в левой прессе: “Freiheit’s Chaim Suller Returns from Moscow.” *The Worker* (July 29, 1956), “Eyewitness Report on Jewish Culture in Soviet Union” *The Worker* (August 31, 1956) и др. В них Х. Суллер оптимистично говорил о развернувшейся в СССР десталинизации: «Еврейские писатели и высокопоставленные чиновники Союза советских писателей заверили меня, что “подули новые ветры”. Они рассказали мне о планах впечатляющего масштаба — а строятся они в момент, которому предшествует восемь лет отсутствия любой культурной деятельности евреев» (Suller, Chaim “Jewish Culture in the USSR Today: Another Look One Year Later.” *The Worker* (September 22, 1957)).

3. Б. Изаков — Г. Фасту

30 августа 1956

Дорогой Говард,

Я только что вернулся из отпуска. Надеюсь, что ты побывал в отпуске и сумеешь получить это письмо.

Одно из первых дел, которые я сделал по возвращении — я снесся с твоим издателем. К моему крайнему огорчению, я узнал, что он затянул выполнение своего обещания. Но сейчас все уже в порядке, и мне сказали, что в ближайшее время ты получишь все положенное.

Я прочитал также все твои статьи, включая последнюю, опубликованную в «Мэссис энд мейнстрим»¹. Поверь мне, я очень хорошо понимаю, что у тебя на душе. Писателю с такой силой воображения, какая есть у тебя, свойственно переживать все особенно остро. Это

своего рода налог на талант. Но я твердо уверен, что ты найдешь правильные ответы на все волнующие тебя вопросы.

Хочу тебе сообщить, что я приступил к работе в Иностранной комиссии нашего Союза писателей, так что у меня переменился служебный адрес. Мы теперь чаще будем встречаться с моим другом Борисом Полевым; кстати сказать — он сейчас в отпуске.

Это только коротенькая записка, поскольку я не знаю, получишь ли ты ее или ты еще не возвратился из отпуска.

Передай самый теплый привет Бетти. С искренним приветом [Б. Изаков].

¹Fast, Howard. "Reply to Eugene Lyons." *Masses and Mainstream* (August 1956): 54. В своем открытом письме Фаст настаивал, что на протяжении всей своей партийной карьеры боролся с несправедливостью и руководствовался только благими намерениями. Сталин и его соратники предали дело социализма, но это не означает, что однажды мир не превратится «в цветущий сад», в котором нет места нужде и лишениям. Подтверждая, что в дальнейшем он будет работать для достижения этой цели, Фаст просил Лайонса не давать непрошенных советов и не переманивать его в лагерь «реакции».

4. Г. Фаст — Б. Изакову

20 сентября 1956

Дорогой Борис!

Как всегда твои письма для меня большая радость и большая честь. Я думаю, тебе приятно будет, что я недавно получил некоторую сумму переведенных мне гонораров, что пришлось весьма кстати и, я надеюсь, будет использовано по назначению¹.

На мой взгляд, следует отметить, что в значительной мере я обязан этим твоим хлопотам и хлопотам Полевого. Выражаю Вам обоим самую глубокую благодарность.

Возвращаясь снова к вопросу о гонорарах — я был бы очень благодарен, если бы Вы прислали мне какую-нибудь справку или платежную ведомость с тем, чтобы я знал, от кого я получаю гонорар и за какой период. Это совершенно необходимо. Примерно через месяц один мой знакомый, точнее говоря, мой друг, встретится с Вами и побеседует, в частности, по вопросу о гонорарах. Я был бы глубоко признателен Вам за любую информацию или помощь, которую Вы сочли бы возможным ему оказать.

Я понимаю, что адресовать к вам людей превратилось у меня в своего рода привычку, но я уверен, что встречи и беседы с людьми

других стран представляют для Вас интерес. К моему сожалению, я не могу быть в числе этих людей. Но кто знает, может быть, таких людей стало слишком много.

Я написал Полевому более подробное письмо о вопросах, сомнениях и трудностях, с которыми мы сталкиваемся здесь². Все это более или менее характерно и специфично для одной только Америки, и решение всех этих вопросов действительно очень серьезная и беспокойная проблема. Возможно, в следующем письме к Вам я смогу остановиться на всех этих вопросах несколько подробнее. Я заинтересован в этом, потому что, как Вы понимаете, я с глубочайшим уважением отношусь к Вашему суждению и совету — так же как к Вашему доброжелательству по отношению ко мне.

Сообщение о том, что Вы начали работать в Иностранной Комиссии Союза писателей, обрадовало меня. Я думаю, что Вы обладаете исключительным и очень ценным талантом понимания людей и культур других стран, видит бог — такая способность встречается не часто и, разумеется, это очень важно. Подобно Вашему письму это только небольшая весточка от меня.

С пожеланием Вам всего доброго, с самым сердечным приветом. Искренне [Говард Фаст].

¹ Вероятно, речь идет о гонораре за публикацию «Истории Лолы Грегг». См. письмо 19 из переписки Б. Полевого и Г. Фасту (Б. Полевой — Г. Фасту [сентябрь–октябрь 1956]).

² Г. Фаст — Б. Полевому. 19 сентября 1956 г. Опуubl.: *Петров А.* «Эх, Говард!» (История одного неотправленного письма) // Знамя. 1992. № 8. С. 165–167. В письме Фаст называл себя «человеком, явившимся свидетелем собственной смерти, человеком, продолжающим бессмысленное существование на земле». Его частное издательство “Blue Heron Press” обанкротилось и закрылось, от «широкого и жизнеспособного» левого движения «осталась горстка людей», а люди вокруг стали относиться к политике «с полнейшим безразличием». Все это ввергло Фаста в апатию и отчаяние.

5. Г. Фаст — Б. Изакову

15 февраля 1957

Дорогой Борис,

Ваше письмо — одно из последних, полученных мной из Восточной Европы. Хотя оно датировано 10 января, оно дошло ко мне лишь в феврале, после того как в «Нью Йорк таймс» появилось сообщение о том, что я публично порываю с коммунистической партией¹.

Я стараюсь хладнокровно и логично подходить к этому, и нет нужды углубляться в описание эмоциональной агонии и смятения, сопровождавших это. Сделал я это потому, что после ознакомления с секретным докладом г-на Хрущева и с множеством фактов, сопровождавших его после того, как я узнал о судьбе евреев в Советском Союзе и об обращении с ними, после того, как я увидел официальное отношение Советского Союза к евреям и к государству Израиль, я обнаружил, что не могу ни спать ночами, ни сохранять внутренний покой.

Вопрос, стоящий передо мной сейчас, как указывают мои друзья, заключается в том — может ли человек, покидающий партию, остаться на стороне человечества и прогресса? Я только скажу: надеюсь, что смогу.

Не знаю, мудро ли, с вашей точки зрения, что я пишу вам письмо. Однако я получил ваше, и просто мой долг — ответить. Думаю, что к числу детских взглядов, которых придерживаются некоторые круги в вашей стране, относятся и мнение о том, что дружба может быть лишь одного рода. Если, однако, у вас не появится желания написать мне в ответ — я пойму. Я боролся сам с собой с июня, никакая сила или страх перед реакцией не могли заставить меня сделать это. Положение, как вы понимаете, было совсем иное.

Хорошо будет получить от вас весточку и надеюсь, прежде всего, что страх не помешает вам ответить мне. На протяжении десяти лет в условиях неослабного давления и террора я писал, что хотел и кому хотел. Надеюсь, вы можете поступить так же.

Искренне ваш [Говард Фаст].

Политическое объяснение моего поступка появится в мартовском номере «Мейнстрим» в статье, написанной по просьбе редакторов².

¹ Речь идет об интервью, которое журналист *New York Times* Г. Шварц взял у Г. Фаста. В нем Фаст заявил о выходе из КП США: Schwartz, Harry. "Reds Renounced by Howard Fast." *New York Times* (February 1, 1957).

²Fast, Howard. "My Decision." *Masses and Mainstream* (March 1957). В статье Фаст предложил читателям «не оправдание, а объяснение своего поступка». Писатель заявил, что «Коммунистическая партия Соединенных Штатов — в основном из-за событий, находящихся вне ее контроля — скомпрометирована до такой степени, что она больше не может вносить какой-либо эффективный вклад в продолжающуюся борьбу за демократию и социальную справедливость». Сразу после статьи Фаста редакция поместила ряд откликов «прогрессивных литераторов», в т.ч. Ф. Боноски, Г. Аптекера, Дж. Старобина, Л. Харапа, Б. Кокрена.

Б. Б. Изаков — Г. Фасту

[март 1957]

Дорогой Говард,

Я получил Ваше письмо от 15 февраля, но еще раньше я узнал о Вашем решении и о Вашей статье в «Мейнстрим», узнал не совсем обычным путем, о чем пишу ниже. Не скрою от Вас, что это решение меня глубоко огорчило. Не говоря уже о нашей дружбе, я ведь очень сжился с Вашими талантливыми книгами — некоторые из них я перевел для наших читателей¹ — и передо мной сейчас фотография, где Вы изображены вместе с Бетти, а на обороте Вашей рукой написано: «Борису Изакову, моему второму я».

И вдруг я узнаю от приятеля о том, что «Голос Америки» передал Ваше интервью, предоставленное Гарри Шварцу. А потом я узнаю, что «Голос Америки» передал содержание Вашей статьи в «Мейнстрим», Гарри Шварц и «Голос Америки»! Вам хорошо известно, как много они потрудились, чтобы поссорить наши народы. А вот сейчас Ваши заявления доходят к нам при их посредстве.

Я знаю, Говард, что Ваше решение теперь уже — дело прошлого и не хочу затевать бесплодный разговор. Но мне обидно и больно, что Вы приняли решение, не зная фактов, о которых пишете в своем письме или создав себе представление о них со слов людей, вроде Гарри Шварца.

Вы пишете, что страх — да, именно страх! — может помешать тому, чтобы я Вам написал. Такое предположение, Говард, звучит для меня не только обидно — ведь я не давал Вам оснований сомневаться в моей честности — такое предположение звучит для меня как-то дико. Оно показывает, как мало Вы там, за океаном, знакомы с тем, что происходит в нашей стране.

Вы, вероятно, не высказали бы этого предположения, если бы знали просто, что у нас продолжают печататься Ваши книги, как, впрочем, и книги таких людей, как Сартр (на этой неделе я смотрел в одном из крупнейших московских театров его пьесу)². Книги и пьесы с годами не меняются, они остаются, какими были...

Горько, очень горько, что Вы были лишены возможности посетить нашу страну и своими глазами посмотреть здесь на все, а вынуждены были смотреть на нас при посредстве Гарри Шварца и других корреспондентов «Нью Йорк таймс».

Беда в том, что многие наши друзья за рубежом, которые долгое время были убеждены, что Советский Союз — просто рай, теперь

ударилась в другую крайность и готовы поверить всему, что говорят и пишут о Советском Союзе плохого. Между тем, именно сейчас жизнь в нашей стране лучше, чем когда бы то ни было. Открытое признание того, что не могло нас удовлетворять в прошлом — лучшая гарантия того, что оно не вернется.

Даже в последней статье Сартра в его журнале «Тан Модерн»³ проходит красной нитью мысль о том, что в Советском Союзе построен социализм, и что никуда от этого не уйдешь. Это значит, что Советский Союз — носитель прогресса, что прогресс без Советского Союза невозможен.

Вы пишете в своем письме об «официальном отношении Советского Союза к евреям и государству Израиль». Я боюсь, что об отношении Советского Союза к евреям Вы опять-таки плохо информированы — все из тех же, далеко не достоверных источников. Что касается отношения моей страны к государству Израиль, то, по-моему, оно не может быть другим, чем есть. Скажу Вам прямо, Говард, на протяжении последних месяцев все мои симпатии были на стороне Египта — страны, которая порвала цепи рабства, хочет подняться из вековой нищеты и подверглась нападению со стороны Англии, Франции и Израиля. Если бы войне не был положен конец, и представилась возможность, хотя я и не молод и потерял ногу от ручной гранаты германского фашиста, я охотно поступил бы добровольцем в армию нового Египта. Мне кажется, Говард, так поступили бы и мои любимые герои Ваших произведений, люди гордые и свободные, выступающие на стороне угнетенных и обиженных⁴.

Но, как я уже писал, я не хочу бесплодного спора. Давайте искать лучше то, что нас продолжает объединять, а не то, что нас разделяет.

Вы пишете, что надеетесь, покинув партию, остаться на стороне человечества и мира. Я вполне сознаю, что борьба за мир — отнюдь не привилегия одних членов коммунистической партии, хотя коммунисты идут в авангарде этой борьбы. Порвав с партией, Вы, по-моему, сильно ослабили свои позиции в борьбе за мир, ведь всегда легче бороться в дружном коллективе, чем в одиночку. Но если Вы, тем не менее, твердо решили и в нынешнем обществе бороться за мир, я могу лишь радоваться этому. Конфликт между нашими странами был бы чреват чересчур ужасными последствиями: каждый человек доброй воли обязан, на мой взгляд, избегать всего, что может служить разжиганию ненависти между американским и советским народами, и обязан содействовать взаимопониманию между ними. Мне кажется,

что если мы оба стоим за это, то мы найдем тут те точки соприкосновения, которые могут нас объединять.

С наилучшими пожеланиями Бетти и детям. Искренне Ваш [Борис Изаков].

¹ «Подвиг Сакко и Ванцетти». См. примеч. 3 к письму 1.

² В 1950-е гг. Сартр действительно появился в советском культурном пространстве как драматург и как мыслитель. В 1955 г. он посетил Москву, в том же году на советской сцене поставили его пьесу «Добродетельная проститутка», которую, по-видимому, и смотрел Б. Изаков. В театре имени Моссовета пьеса шла под названием «Лиззи Мак-Кей».

³ Большая статья Ж.-П. Сартра «Призрак Сталина», в которой речь идет о процессах десталинизации в СССР, политике Хрущева, подавлении венгерского восстания (октябрь–ноябрь 1956), о позиции КП Франции, по мнению Сартра, следующей диктату Москвы: Sartre, Jean-Paul. “Le fantôme de Staline.” *Les temps modernes*, 12me année, n°s 129–130–131 (novembre–décembre 1956 — janvier 1957): 577–697.

⁴ Тот факт, что Б. Изаков, еврей по национальности, был готов, пусть и на уровне деклараций, вступить в египетскую армию и воевать против Израиля, обескуражил Фаста. Об этом факте он упоминал в своей статье “The Ordeal of Boris Pasternak.” *Midstream* 5, no. 1 (1959): 42.

© 2023, О.И. Щербинина

Дата поступления в редакцию: 18.08.2023

Дата одобрения рецензентами: 17.10.2023

Дата публикации: 25.12.2023

© 2023, Olga I. Shcherbinina

Received: 18 Aug. 2023

Approved after reviewing: 17 Oct. 2023

Date of publication: 25 Dec. 2023